

Владимир Голубев

Прозаик, кандидат юридических наук. Родился в 1965 году. Живет в г. Серпухове Московской области. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета. Служил старшим следователем Серпуховского УВД, следователем по особо важным делам Серпуховской прокуратуры. Учился на факультете правоведения Юридического института МВД РФ.

Писательскую деятельность начал в 1992 году, первая большая публикация – в журнале «Юность» (2007). Автор книг «Сказки Малеевского леса», «Асины сказки», «Сказы матушки Оки», «Забытый рубеж», «Летучий корабль», нескольких детективов и др. Лауреат Общенациональной литературной премии им. П. П. Бажова, лауреат II степени в номинации «Большая проза» Литературной премии им. А. Дельвига и др.

Загадки литературной сказки.

От Лёвшина до Писахова

Очерки (отрывок из книги)

Сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою.

А. Н. Афанасьев

Предисловие автора

«Для кого ты пишешь эти очерки в XXI веке?» – спрашивали меня друзья и знакомые и продолжали размышлять вслух: мол, какие-то полузабытые сказки и сказочники времен чуть ли не царя Гороха, кто их помнит и для чего ворошить предания старины глубокой? Так или почти так повсюду говорили мне, узнав о моих мытарствах, и добавляли: мол, вокруг нас полным-полно всякой современной беллетристики – фэнтези, детективы, мейнстрим, да еще жив постмодерн, а ты все зависишь где-то в мире детских выдумок, тянущихся из темных веков. Чему у таких читателей учиться, думал я, просто-напросто позабыть и не вспоминать, хватит время терять...

Чем возразишь, чем ответишь? Видимо, они правы, и я время от времени откладывал ручку, шучу-шучу, отрывался от клавиатуры ноутбука и брался за другие дела, но воспоминания о далеких от меня – по времени, но не по духу – сказочниках не давали покоя, словно мотыльки мчась в полночный час на огонек (другое напрашивающееся сравнение приводить не буду). Потому основной читатель этой книги – я сам, а еще, как мне кажется, если, конечно, найдется читатель кроме редактора и корректора у этой книги, ему на вид лет так пятнадцать-шестнадцать, а может, и поменьше или поболее, в общем, до ста лет. Но он всенепременно влюблен! Как говорил один известный политик, однозначно! Втрескался в юности или в старости или родился

уже с чувством привязанности к литературе, особенно к той части, где все еще прозябает фольклор и бьется в конвульсиях литературная сказка. Я один из них... 1980 год, мне пятнадцать лет, я еще не бреюсь, мало думаю об учебе, больше – о девчонках и футболе, но вот натыкаюсь на пыльной полке в родном книжном магазине на тоненькую брошюрку издательства «Наука» – «Скандинавская литературная сказка» Людмилы Юльевны Брауде. Искра ли блеснула или бабочки в моем животе закружились в ламбаде либо еще в каком экзотическом танце – и я влюбился с первого взгляда и не раздумывая отвалил всю наличность, целых тридцать пять копеек, кстати, скромный обед в школьной столовой. С тех времен она – конечно, книжечка, а не профессор Брауде – странствует со мной по матушке-России, от Анадыря до отчего Подмосковья. А я с тех давних пор, увы, превратился в стойкого оловянного солдатика, преданного народным и литературным сказкам.

Многие взрослые, особенно если у них есть дети, а еще лучше – внуки, возвращаются к литературным сказкам в зрелом возрасте, порой сами пытаются творить что-то подобное либо просто понять, что такого в них заключено, что мы не можем без этого прожить. Вот для таких читателей моя книга. А как же я выпустил из памяти молодых мамочек и папочек, что ежевечерне выдают на-гора тонны не серебра или злата, а новых сказок?

Значит, друзья-единомышленники, возьмемся за руки и примемся шагать вперед, разбираясь не только в хитро-сплетениях чужих судеб, но и в нелегкой доле народных сказок, будем, как водится в них, искать истину и разгадывать тайны. Попробуем разобраться, откуда они появились, и тогда поймем, почему поэма «Руслан и Людмила» нашего искрометного Александра Сергеевича, одного из глав-

ных творцов русской литературной сказки, отличается от «Сказки о царе Салтане»...

Российские политики и мыслители издавна спорят о нашей национальной идее, о тех самых скрепах, что много веков хоть и скрипят, но все еще сдерживают от развала в ужасном хаосе мироздания корабль под названием Россия. Не станем им мешать и спорить, нам некогда, тем паче что правд-то много-много, а вот истина одна и часто незаметна для рядового обывателя, занятого повседневными заботами. Потому, как тот самый румяный колобок, покатаемся своей тропой, но не к зайцам и волкам. В этой скромной книге очерков мы попробуем поговорить о замечательных людях нашей отечественной литературы, что давным-давно и совсем недавно созидали, и ныне их светлые дела продолжают в новых поколениях творить нашу неповторимую культуру, что крепче цемента пока еще связывает народы на одной шестой земли. Слегка растеряв на перекрестках истории этих позабытых атлантов, что держат на плечах шар земной, не давая ему сгореть дотла во всепожирающем огне, мы сохраним дорогие для наших сердец предания старины и проторим дорогу в будущее новым поколениям, что не сбросят в темную пучину безвременья наши принципы и идеалы. Все это зависит от нас, и только.

Впереди нас ждут суровый XVIII век, позабытый информационный материк с плеядой авторов: Михаилами Чулковым и Поповым и Василием Лёвшиным – и галантный XIX век с Орестом Сомовым и Николаем Вагнером, а еще и беспокойный XX век с грустным Семёном Писаховым, писавшим бесконечно радостные сказки, и таинственным Фимой Честняковым и его добрыми текстами. О ком-то мы поговорим более подробно, о ком-то – только в части сказочного творчества, все будет зависеть от судьбы сказочника.

А теперь нам остается только поднять паруса – и лишь вперед! К ним, к настоящим островам и континентам, носящим имена славных литераторов прошлого, чьи судьбы и произведения достойны внимания современного читателя, порой уткнувшегося в гаджет, либо в их авторских сказках выискиваются под внимательным взором настоящие золотые самородки вечных истин. Копнем оставленный нам предками плодородный слой нашей культуры и откроем миру те самые корни всем известных литературных творений!

Ну и перед тем как пуститься в долгий и опасный путь через рифы и мели, где, не ровен час, можно подхватить неизлечимую болезнь сказколюбия, сделаем одну ремарку: безусловно, не станем лукавить, сказочники, о которых пойдет речь на странице книги, не совсем забыты – их изучают филологи и фольклористы, по их произведениям защищают диссертации и издают монографии, кои мы и станем использовать при написании очерков, но вот для широкого круга читателей они, скорее, terra incognita. Они из тех писателей, кого редко встретишь на центральных полках библиотек и частных собраний bibliофилов... Хотя многие из них широко известны: например, тот же Степан Писахов – в Архангельской области, ему даже в центре города замечательный памятник поставлен, а еще – его героям, и это действительно здорово! Даешь каждому сказочнику по памятнику! Другие же, как Ефим Честняков, художник и писатель, о котором мы, к сожалению, из-за формата книги расскажем не так подробно, как хотелось бы, знаменит в пределах своего Кологривского района и родной Костромской области. Его творчество в наше время сберегается, и на народные деньги восстановлен дом известного земляка в деревне Шаблово, где сейчас расположен музей...

Иные, как Орест Сомов, известны в основном специалистам, а от таких, как Василий Лёвшин или Михаил Попов, не осталось даже надгробий...

Вот мы и выбираемся потихоньку из темного леса невежества к свету, на рискованную тропу знаний, чтобы самим пробиться сквозь вековые снега забвения и, может, кого-то вывести следом за собой.

Пролог

Литературная или авторская сказка – один из любимых жанров в русской классической литературе, особенно для детей. Она одной из первых вслед за народной сказкой, подобно светящему маяку, поднялась из обширных вод народной и книжной культуры, осветив перед страждущими развлечений и мудрости долгий, но увлекательный путь индивидуального творчества, основанный на чистейшем вымысле. Возможно, в этом и кроется парадоксальный успех детского, по мнению многих читателей, жанра, что сочетает вроде бы несочетаемое: реальность и фантазию, иронию и юмор с серьезными нравственными вопросами, отголоски былинного эпоса и первобытного представления о мире, мифа и легенды, анекдота и басни...

Сказка ныне может иметь форму повести, романа, поэмы, эпического произведения. Велик и, вероятно, необъятен океан современных литературных сказок, и, пускаясь в дальнее плавание по волнам различных придумок, перед тем как расправить парус, мы все же поначалу выберем маршрут и отправимся в ту часть безбрежного моря, куда редко заходят пассажирские лайнеры и даже крепкие сухогрузы, груженные бочками с филологами и гуманитариями. Изредка утлые челны любопытных исследователей заглядывают в те совсем не потаенные места, вот и мы давайте махнем не глядя прямоком в мир позабытых русских сказочников и их творений.

Но, перед тем как волны побегут за нами бурлящими лодками, мы, преодолевая трехсотлетний путь, поведаем о рифах-проблемах, что подстерегают нас в дороге. Первый – что такое литературная сказка. Второй – как она соотносится с народной (фольклорной). Третий – каковы виды литературных сказок. Четвертый, похожий на Большой барьерный риф, – отсутствие надежных источников, но об этом будем много говорить впереди.

Определений литературной сказки существует более ста, мы не будем воспроизводить их все – перед нами стоят другие цели, а воспользуемся классическим определением Л. Ю. Брауде из книги «Скандинавская литературная сказка», вот оно: «...литературная сказка – авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле; произведение преимущественно фантастическое, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажей».

Говоря о разграничении сказок литературных и народных, отметим, что попытки разделить оба жанра делались неоднократно и разными исследователями. Кто такой Андерсен или братья Гримм? Собиратели фольклорных сказок или авторы литературных? Время от времени в повседневном обиходе читатели да и, что скрывать, начинающие авторы называют сказкой как народную, так и авторскую, т. е. литературную, да порой и молодой жанр фэнтези ставят с ними в один ряд. Действительно, в народном сознании высокие образцы классической литературной сказки иногда сливаются

ся в единый жанр с популярной фольклорной сказкой, как, например, «Сказка о царе Салтане» А. Пушкина и «Иванушка-дурачок» из собрания А. Афанасьева, «Аленький цветочек» С. Аксакова и «Сивко-бурко», и многие другие.

Но мы с вами не станем блуждать в глуши в поисках волшебных помощников или мухоморов и поганок и остановимся на определении известного сказковеда Э. В. Померанцевой, к тому же проверенном временем. Итак: «Народная сказка (или казка, байка, побасенка) – эпическое устное художественное произведение, преимущественно прозаическое, волшебное, авантюрного или бытового характера, с установкой на вымысел. Последний признак отличает сказку от других жанров устной прозы: сказа, предания и былички, т. е. рассказов, преподносимых рассказчиком слушателям как повествование о действительно имевших место событиях, как бы маловероятны и фантастичны они иногда ни были».

Для того чтобы развести в разные стороны авторскую и народную сказки, укажем некоторые основные отличия фольклорной и литературной сказок, на самом деле их очень много, и этому можно посвятить целую книгу.

- Литературная сказка всегда записана, и ее вид неизменен. Имеет автора. Фольклорная сказка не имеет строго устоявшегося текста, каждый сказитель мог по своему желанию что-то добавить в нее или убрать.

- В литературной сказке отражается личный взгляд автора на мир, его представление о жизни и справедливости. В фольклорной сказке отражаются идеалы и ценности всего народа, так же как и ее герои.

- Литературная сказка является отражением эпохи и особенно активно расцветает в эпоху перемен, слома моральных устоев и господствующих литературных течений того времени. Народная сказка в меньшей степени подвержена влиянию времени.

Говоря о видах литературной сказки, нам стоит обговорить основное деление огромного массива произведений. Так, исследователь Овчинникова Л. В. сообщает, что «примерно в 60–70-е гг. XVIII в. уже формируются два основных направления развития литературно-фольклорного синтеза, повлиявших в дальнейшем на оформление сказки в литературе: “сочинение литературной сказки на основе сказки фольклорной, с заимствованием из последней отдельных специфических элементов содержания и формы” и “пересказ народной сказки с явным стремлением удержать в нем по возможности максимум ее характерных признаков”». Мы видим разделение на литературные сказки, основанные на фольклорных образцах, и авторские – с минимальными заимствованиями. В данной книге будем говорить в основном о сказках, много почерпнувших из фольклора, порой нерасторжимо связанных крепкой пуповиной между собой.

Подобно литературным произведениям разных жанров, литературная сказка нераздельно спаяна с мировоззрением сказочников, с их идейно-политическими и литературно-эстетическими взглядами, потому мы будем вынуждены порой подолгу останавливаться на биографиях писателей, чтобы понять, откуда и что взялось в их произведениях.

В литературных сказках, впрочем, как и во всяком литературном произведении, будь то сказка «Аленький цветочек» или роман «Мастер и Маргарита», оставили следы давно прошедшие эпохи. Подобно молчаливому сфинксу, они каждый день поджидают первооткрывателя, готового с головой окунуться в мир неудержимой фантазии, истории литературы и России. Вот только, пожалуйста, возьми с полки любую книгу, да хоть сказок, и будь добр, ну переверни страницу.

Часть 1. Осьмнадцатый век

Глава 1. Неведомое столетие

Милостивые судари и сударыни, подскажите: а чем пахнет восемнадцатый век? Далекое столетие пропитано дымным порохом, балтийским бризом, потом и пылью бесконечных дорог, резким степным духом причерноморских трав да едким дымом, тянущимся от курных изб и из леса, где чумазые углежоги день и ночь жгут древесный уголь для железнодорожных заводов. От такого букета запахов, пропади он пропадом, режет глаза и слезы нет-нет да и застыт очи. Чу! Слышно, как где-то поблизости скрипит телега, и возница, закутавшись от мелкого дождя в стародавний армяк покойного брата, кстати сгодившийся в этих чухонских болотах, зычно подгоняет умаявшуюся лошадь. Лишь к концу века зазвонит на большаке колокольчик под дугой почтовой тройки, а пока возчик все хлещет и хлещет конягу...

Холодный век, как указывает Н. Я. Эйдельман в книге «Твой XVIII век», в феврале 1799 года в Петербурге средняя температура – минус 37 градусов Цельсия. Выходит, на XVIII век, по данным современных ученых, пришелся пик второй половины малого ледникового периода – локального похолодания, продолжавшегося в Европе с XIV по XIX век: зимы суровые и долгие, частые неурожаи. Неурядицы начались еще в 1704 году, когда в Центральной России 20 мая нежданный мороз побил ржаные посевы. Вскоре напасти продолжились, и в 1708–1709 годах выдались необычайно холодные зимы. Как отмечалось в «Походном журнале Петра Великого», «немало шведских солдат пропало, также и в наших людях от морозов было не без упадку». Вот опять объявился «генерал мороз» – спаситель России, скажет капризный читатель. Но мы оставим бесконечные равнины с лесами и болотами дотошным историкам и географам...

Вперед, дорогие читатели, с головой окунемся в послепетровскую эпоху, попробуем хоть чуть-чуть почувствовать аромат того времени. Тот вроде бы совсем недалёкий век весьма плохо известен нашему современнику, даже по сравнению с девятнадцатым веком, который большинство из нас хорошо представляют себе благодаря не только историкам, пропадающим день и ночь в архивах и на раскопках, но и, скорее, поэтам и писателям, оставившим замечательный слепок с эпохи, пусть и во многом неточный и субъективный. Вот и мы с вами, откинув политику, всяческие ярлыки, стародавнюю грызню между литераторами, обиды и склоки, просто поспешим навстречу малознакомым людям, глянем на них не с железной телеги прогресса, везущей человечество якобы в неведомый рай, а по-семейному, по-свойски, как на собственных предков. Покинем шумные столицы, изредка, правда, будем заглядывать на их пыльные улицы и проспекты, как без этого обойтись, но в основном примемся странствовать в поисках истоков литературной сказки по лесам и полям матушки-России, непременно заглянем в дворянские усадьбы, купеческие хоромы и крестьянские избы. Попробуем разобраться, с чего вдруг потянуло городских и сельских грамотеев к пустозвонным выдумкам, различным быличкам и легендам...

Несмотря на трудности, оставшиеся в наследство после сонма бестолковых указов и нескончаемых войн Петра I – только кампания со шведами длилась двадцать один год, и его преемников, становление экономики России проходило под влиянием прошедших в начале века реформ, кстати, большинство их так и не было доведено царем до конца. Шальной император в промежутках между битвами и кутежами торопится просветить растерянных от его напора со-

отечественников, действуя то лаской, то – что чаще – насильем, загоняя пинками нерасторопных россиян в светлое будущее. Спешит основывать Академию наук, но не университет, кунсткамеру с бесплатным угощением посетителей, налаживает массовое издание книг, выпуск газеты... Наследники преобразователя время от времени тоже возвращаются к заветам шумного предка и, вспомнив о культуре и образовании, основывают публичные библиотеки, Московский университет, гимназии, поощряют массовое появление печати и книг и – как следствие – открытие книжных лавок. Например, в губернской Туле с населением всего-то под двадцать пять тысяч человек на конец XVIII века имелись аж четыре (!) лавки. Не всякий и ныне город с таким же количеством жителей похвалится подобным числом книжных магазинов. Но не станем обольщаться, книги стоили безумно дорого, ни много ни мало, а около двух рублей за штуку, на эти деньги можно было прикупить телку, двести килограммов ржи или двухлетнюю крепостную девочку... Все в издательском деле было как и ныне: чем меньше тираж, тем заоблачнее цена и, следовательно, тем недоступнее книга для потенциального читателя. Замкнутый круг: общество теряет читателя из-за высоких цен – тиражи скукоживаются, и стоимость книг летит к звездам, неужели вновь докатимся до рукописных книг?

А что же приобретал массовый читатель? Призовем в свидетели известного и авторитетного Н. И. Новикова, просветителя и крупнейшего издателя того времени. Вот что он пишет в журнале «Живописец» (1779): «Кто бы во Франции поверил, что волшебных сказок разошлось больше сочинений Расиновых? А у нас это сбывается: “Тысячи и одной ночи” продано гораздо больше сочинений г. Сумарокова... О времена, о нравы! Ободряйтесь, российские писатели; сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут». Но и сам Новиков лукавит – как арендатор универ-

ситетской типографии в Москве, издает в ней восточную сказку Марианн Аньес де Фок «Визири, или Очарованный лабиринф» в переводе В. А. Лёвшина, а затем, в 1780–1783 гг., и «Русские сказки» самого Лёвшина. Как ни крути, но сказки, наряду с романом и повестью, являлись самыми популярными жанрами у тогдашних читателей, живших во второй половине XVIII века.

А еще по всей необъятной державе, от Балтики до Охотского моря, стучали молотки да кирки, шла перестройка городов в соответствии с новейшими архитектурными идеями и вкусами. В крупных провинциальных центрах появились литературные и научно-популярные издания, а главное – образованные люди, такие как старший современник Василия Лёвшина, одного из героев нашей книги, известный просветитель из Тульской губернии Андрей Тимофеевич Болотов, проживший очень длинную жизнь, прямо целую эпоху (1738–1833).

Все это привело к тому, что в России создавалась пусть небольшая, но все же просветительская среда, влиявшая не только на образованные круги общества, но и на городское и сельское население. Так кто же читал книги, для кого денно и ночью скрипели гусяными перьями господа литераторы?

Начнем с того, что денежный оборот в стране был скудным. Так, среднестатистический туляк на рубеже XVIII–XIX веков тратил на покупки 17 копеек в год (в то же время парадное платье фаворита Екатерины II Григория Потёмкина стоило под двести тысяч рублей). Небольшая сумма личных расходов объясняется тем, что горожане вели свое натуральное хозяйство и практически не покупали продуктов питания. В 1800 году деревянный барский дом в пять комнат в Туле оценивали в 25 рублей, «людскую избу» в барском

дворе для прислуги – в 10 рублей, как и конюшню – в 10 рублей, ворота – в 1 рубль. Скотину оценивали так: корова стоила 4 рубля, бык – 3 рубля, свинья – 1 рубль, овцы – по 40–50 копеек, куры – по 5 копеек.

Крепостные крестьяне и дворовые люди тогда тоже имели свою цену. Надобно помнить, на чьем труде зиждилось благополучие богатых помещиков, в том числе Пушкиных, Лермонтовых, Тургеневых, Толстых и иже с ними. Так, барин просил за молодого мужчину 20–30 лет 70–100 рублей, за женщину – 20–30 рублей. Мальчики, как будущие работники, стоили, как и их матери, 15–30 рублей, а девочек оценивали всего в 5–10 рублей.

Канцлер Российской империи граф Александр Воронцов (1741–1805) носил с собой в качестве карманных денег в среднем 30–40 рублей, их ему хватало на полтора месяца. А вот князьям Алексею и Михаилу Андреевичам Голицыным обучение в Страсбурге обошлось, по подсчетам современных исследователей, менее чем в тысячу рублей. Для примера: средний бюджет на целый год у крестьянской семьи с двумя детьми 1780-х годов составлял около 27 рублей; например, только на соль тратилось около 70 копеек.

Какие доходы, такие и цены. В сборнике «Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века» Леонтий Автономов пишет, что в 1718 году в Псковской губернии, откуда он родом, и в Сибири ржаной хлеб стоил еще дешевле – 5,5 коп. за пуд, т. е. 0,34 коп. за 1 кг. Практически на копейку можно было приобрести 2,5 кг. Пшеничная мука ручного помола обходилась несколько дороже – 1,84 коп. за 1 кг. Окорок свиной – 2,5 коп. за 1 кг. В блистательном Петербурге, где цены всегда были выше, чем по стране, просили 3,6 коп. за килограмм отборной говядины. Мясо похуже качеством можно было прикупить за 2,4 коп. При этом свиное сало стоило 12 коп. за 1 кг. За белугу и осетра, по требованию царя, не могли брать более

12 коп. за 1 кг, а цена такого деликатеса, как черная икра, ограничивалась 18,3 коп. за 1 кг.

Завершая разговор о ценах, добавлю лишь, что инфляция также существовала, особенно при Екатерине II, но после указанных цен на питание особенно пугаешься цифр знаменитых долгов А. С. Пушкина: незадолго до дуэли они составили 92 500 рублей частным лицам и перед казной, как сейчас говорят, бюджетом, 43 333 рубля...

Оставим цены – не сохранилось в людской памяти таких эпох, когда бы их не бранили, – и вернемся к книгам, одному из первейших развлечений в тогдашней жизни, в отличие от нынешней. Несмотря на то что в это время в городах появляются публичные театры, и особенно много частных, в имениях богатых и даже средней руки помещиков главными забавами для образованных дворян по-прежнему остаются игра в карты, охота, рукоделие да книги с журналами. У дворян, проживавших в городах, было принято гулять по улицам в праздники и по воскресеньям вместе с женами и взрослыми дочерьми. Простые мещане часто сидели на лавках, приодевшись во все лучшие наряды. Но правила приличия требовали, чтобы девушки не выходили из ворот на улицу, оттого они любовались разряженной толпой через щели в заборе или из окна.

А что же творилось в деревнях? Мы представляем себе сельскую Россию обычно по А. Н. Радищеву – спасибо советской школе, да и в нынешней мало что поменялось, ярлыки остались те же, – его «Путешествию из Петербурга в Москву», которое он издал анонимно в 1790 году. Но, как ни странно, существовало и другое крестьянство, непохожее на нищее и забитое, например торгующее. В 1778 году в Северной столице в розничной торговле крестьян было до 50 000. В торговле даже крепостные крестьяне, и это

несмотря на запреты, в конкуренции побеждали городское купечество. На селе преобладал оброк, то есть зависимые крестьяне расплачивались с помещиком деньгами, а в крупных имениях барская запашка часто полностью отсутствовала, и крестьянам там жилось полегче. В таких деревнях было сильное расслоение крестьянства, в воспоминаниях А. Т. Болотова есть упоминания о таких сельских богатеях, что писали на него жалобы самой Екатерине II и, будучи дворцовыми крестьянами, продавали хлеб государству втридорога.

Верхушка крестьян из больших имений, как и государственные, жили достаточно неплохо, о чем, например, пишет В. Шкловский, ссылаясь на олонецкого наместника (ныне Республика Карелия) Тутолмина (1785), что зажиточных крестьян больше, чем бедных. Ему возражал известный поэт и общественный деятель Г. Р. Державин, будучи сам в то время олонецким губернатором, но все же подчеркивал, что лично встречал в Повенецком уезде дома, где крестьянка в шелковых чулках поила его изысканным кофе...

В журнале М. Чулкова «И то и сьо» за 1769 год встречается распространенное выражение «достаточен, как олонецкий мужик». О мебели из красного дерева в избе такого селянина пишет и академик Н. Я. Озерецковский в книге «Путешествие на озеро Селигер» (1817). Отмечал эту особенность и Н. М. Карамзин, говоря о коломенских фабриках под Москвой и о старообрядцах...

Вот это разбогатевшее крестьянство имело свою литературу – лицевой лубок, и не только. Виктор Шкловский ссылается на свою библиотеку с книгами XVIII столетия с надписями: принадлежит крестьянину такому-то – и представленные библиотечными номерами, на одной был аж № 200. Существовали целые издательства, такое как у Решетникова, работавшие на подобного читателя. Особенно

ценно свидетельство Н. П. Барсукова в книге «Жизнь и труды Погодина», где рассказывается, что будущий историк и писатель в 1813 году поехал в Медынский уезд Калужской губернии, к своей бабушке, крепостной помещика Салтыкова, и в глухом селе мальчик нашел у родственников-крестьян множество книг и, кстати, впервые прочитал «Письма русского путешественника» Н. Карамзина. К слову, известный историк и писатель Михаил Погодин еще сыграет свою – пусть не прямую, а скорее косвенную – роль в становлении одного из героев нашей книги.

К сожалению, в XIX веке крестьянина-торговца, крестьянина-промышленника, крестьянина-грамотея заменил бедный поселянин, горбатовый на барщине от зари до зари на прижимистого барина, порой аж до семи дней в неделю. Следом за достатком грамотность и книги постепенно уходят из деревни. Дворянин, которому теперь не надо служить царю и отечеству, перебирается в свое поместье, где пытается разбогатеть и заменить собой на рынке купечество и оброчного крестьянина. Чем все эти «благостные» усилия закончатся, мы с вами знаем из учебников по российской истории XIX века или, например, из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» с весьма выразительными портретами помещиков. Да и знатоки истории литературы подтвердят на примере помещичьих забот того же Льва Толстого и Ивана Тургенева; последний честно называл себя «безалабернейшим из русских помещиков». Хотя, видимо, имелись и положительные примеры, но, скорее, как исключение из правила: например, тот же мелкопоместный Болотов...

Глава 2. Страдания по В. Лёвшину

Разговор о забытых сказочниках XVIII века начнем с Василия Лёвшина, практически неизвестного широкой публике литератора, которого уже не первое столетие хотя бы помнят специалисты, о чем говорит несколько диссертаций

и статей, посвященных разным аспектам его литературного творчества. Деятельность его на ниве русского просвещения весьма разнообразна – от экономики до стряпни на кухне, но мы прикоснемся в основном только к сказочной теме его творчества, остальные обойдем стороной или едва упомянем.

Василий Алексеевич Лёвшин родился в Смоленске 7 (16) августа 1746 года. Древний город, согретый летним солнцем, раскинулся на семи холмах, утопая в зелени садов, а в низине среди увалов и оврагов шумел Днепр. Мальчик оказался четвертым сыном капитана Алексея Денисовича (Дионисовича) Лёвшина (1710–1772), находившегося в это время в очередном военном походе. Мать будущего сказочника и просветителя, Елена Егоровна, дочь полковника, в девичестве Ключкова, была второй супругой Алексея Денисовича, но рано умерла, в 1757 году, когда Василию исполнилось только одиннадцать лет.

Семья Лёвшиных принадлежала к старинному дворянскому роду Тульской губернии. Род Лёвшиных имел свой фамильный герб: в верхнем поле – серебряная звезда, а под ней – серебряная луна рогами вверх (т. н. герб Лелива), в левом голубом поле – черный медведь с серебряным мечом в лапах, а в правом красном поле – выходящий левой стороной до половины белый орел с распростертым крылом. Щит увенчан дворянским шлемом с короной. Своим родоначальником Лёвшины считали выехавшего из «немецких земель» (Швабия, юго-запад Германии) с двенадцатью верными рыцарями, ну прямо как апостолы, некоего Сувола (Сцевола) Левенштейна, по прозвищу Левша, к великому князю Дмитрию Ивановичу (Донскому) в ноябре 1365 года, согласно Бархатной книге и Общему гербовнику дворянских родов России.

Легендарной причиной выезда из графства Левенштейнского были гонения на него со стороны римского папско-

го престола. В Новгороде, по семейному преданию, тот самый беглец, граф Сувол, на вече принял русское подданство и был весьма обласкан новгородцами, в результате чего женился на боярышне Марии Васильевне, взяв за невесту огромное приданое. Красивое семейное предание, передававшееся из уст в уста, и не более того, но, как ни крути, закреплённое в родословных документах. Знать всего мира любила подчеркивать свое нездешнее происхождение, в том числе русские дворяне...

Поведав такую интересную историю, которая попала во многие родословные документы и публикации о Лёвшине, сейчас немного разочаруем читателей. Исследователь Н. В. Мятлев в статье о происхождении рода Лёвшиных приходит к следующему выводу: «Никакого подтверждения в летописях или иных достоверных источниках эта легенда о происхождении Лёвшиных не находит и, вероятнее всего, возникла не раньше конца XVII в., а потому... должна быть признана фантастической и совершенно отвергнута» (Родословная легенда Лёвшиных // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 2, отд. 1. С. 35–36).

Однако, как ни крути, Лёвшины, даже несмотря на их отечественное происхождение, верой и правдой служили Русскому государству: участвовали в отражении набегов и в походах против татар. Так, белёвский воевода Семён Семёнович Лёвшин в 1536 году самолично убил в сражении татарского царевича Ахмета под селом Темрянь, о котором мы еще не раз поговорим, что под Белёвом. Но через два года сын воеводы Данило Семёнович Лёвшин был там же сражен в жестоком бою при отражении очередного набега. Опричниками Ивана Грозного числились Василий Семёнович и Никита Яковлевич Лёвшины (1573). Во второй половине XVII века многие Лёвшины были при царском дворе стольниками.

А в 1614 г. первый царь из Романовых, Михаил Фёдорович, пожаловал за исправную службу Ивану Даниловичу Лёвшину (пращуру нашего героя) вотчину – половину села Темрянь в том самом Белёвском уезде, где их предки несли преданную службу не щадя живота. Афанасий Иванович Лёвшин (прапрадед В. А. Лёвшина) служил верой и правдой воеводой в Белёве в 1618–1619 гг. Отец же В. А. Лёвшина, Алексей Денисович, исправно тянул лямку в русской армии. В 1756 г. в чине полковника он вышел в отставку, а в 1772 г. скончался, побыв белёвским воеводой, и погребен в селе Темрянь. Он был трижды женат, имел 12 сыновей и 11 дочерей.

Будущий литератор родился в годы царствования Елизаветы Петровны, дочери Петра I, и, как мы говорили, рано потерял мать, еще в 1757 году. Впечатлительный мальчик, видимо, сильно переживал утрату... Отец уже находился в отставке и вскоре вновь женился. Образование Лёвшин получил, скорее всего, домашнее, что для того времени было нормальным явлением; не исключено, что его, как и будущего просветителя Н. И. Новикова, русской грамоте обучил какой-нибудь дьячок. Судя по тому, что он хорошо знал иностранные языки, вероятно, учителем у него был немец: ими, искателями счастья на далекой чужбине, в то время была наводнена Россия; вспомним, например, не раз описанных в литературе домашних учителей В. Жуковского или Л. Толстого. Возможно, что с маленьким Васей занимался сам отец, и, вероятно, в семье было немало книг, в том числе рукописных повестей, былин, о гибели которых при пожаре Василий Алексеевич будет позже не раз вспоминать.

Видимо, полученное даровитым мальчиком образование было обширным и разнообразным, что впоследствии позво-

лило ему исполнять обязанности судьи, секретаря, управлять имением, переводить литературные произведения с немецкого, французского и итальянского языков – да и в армии Лёвшин служил при штабе – и, самое главное, заниматься литературным творчеством и различными отраслями прикладных наук. Также не исключено, что он много раз бывал на представлениях в домашних театрах, которые в то время устраивали богатые помещики у себя в усадьбах, после чего сохранил на всю жизнь любовь к театру и драматургии. Лёвшин оказался ровесником плеяды выдающихся деятелей России XVIII в.: просветителя, журналиста, книгоиздателя Н. И. Новикова (1744–1818), писателя-сатирика Д. И. Фонвизина (1745–1792), писателя и мыслителя А. Н. Радищева (1749–1802), философа и драматурга П. С. Батурина (около 1740–1803), не раз упомянутого нами А. Т. Болотова.

Новоиспечённая, во многом непонятная для простого народа дворянская культура в XVIII веке постепенно распространялась из обеих столиц, охватывая все уголки страны и проникая в каждую семью, от родовой знати, ведущей историю от самого Рюрика, до крестьянских семейств. Детство недорослей из служилых и помещичьих семей проходило в атмосфере усиленно насаждаемой светской культуры, заимствованной из Западной Европы, с непременным немецким языком, а со времен Екатерины II – французским. Со Святой Русью, почитай, было покончено, хотя стоит отметить, что даже ярый прозападник Пётр I понимал отличие своей посконной родины от просвещенного Запада, рядяшегося уже тогда в белые одежды праведника и учителя. Та свежеиспеченная культура во многом определяла взгляды и настроения, вкусы и моду, а также просветительский тип сознания подрастающего поколения, о котором особенно пеклась Екатерина II. Становле-

ние личности писателя В. А. Лёвшина проходило в русле формирования «независимых, оригинальных, свободных личностей», родившихся в 20–50-е годы XVIII в., в атмосфере новой светской культуры. Она и определила их взгляды, настроения, вкусы, в конечном счете – просветительский тип сознания, однако следует отметить, что белёвский просветитель сохранил до самой смерти искреннюю веру в Бога.

Всю жизнь свою, за исключением восьми лет армейской службы, В. А. Лёвшин провел в своем имении – селе Темрянь Белёвского уезда Тульской губернии. Поговорим немного об этом ныне полузабытом месте с разбитой проселочной дорогой, редко навещаемой грейдером, с разрушенной кирпичной церковью и навеки исчезнувшим барским домом семейства Лёвшиных, где теперь лишь в тёплое время года можно встретить отдыхающих дачников. Впервые мы посетили Темрянь на майские праздники в 2022 году, и из небольшого опроса жителей удалось выяснить, что ныне в селе старожилов этих мест практически не осталось, все разъехались или умерли, а из местных обитателей оставалась единственная пожилая женщина, но, к несчастью для меня, редко посещавшая свой дом в селе, на родине умершего мужа.

Родовое гнездо Лёвшиных находится всего-то в шести верстах от Белёва, на правом берегу Оки, ближе к реке. На речке Темрянке было устроено два пруда. Помещики жили в каменном доме, что большая редкость для тех времен, в окружении большого сада. С холма открывался вид на Оку, по́йму, простор лугов и лесов. Кстати, в двенадцати верстах от поместья, на другом берегу Оки, находилось село Мишенское (а по прямой будет едва ли более пяти), где в господской усадьбе отставного секунд-майора Афанасия

Ивановича Бунина Елисавета Турчанинова, она же турчанка Сальха, вьюжной зимой 1783 года родила не кого иного, как будущего русского поэта Василия Андреевича Жуковского, бесспорно, вошедшего в сонм русских литературных классиков, одного из основоположников романтизма, переводчика поэзии (как-никак создатель классического перевода гомеровской «Одиссеи») и прозы, литературного критика, педагога, считавшего себя учеником Н. М. Карамзина, участника литературного объединения «Арзамас», литературного наставника А. С. Пушкина.

Продолжая тему белёвских уроженцев, пожалуй, отметим еще два имени. Одно из них золотыми буквами записано на скрижалях народной культуры России – Пётр Киреевский, писатель, фольклорист, мыслитель, который, например, в отличие от советских исторических банальностей, которые и поныне заунывно звучат из учебников и книг, считал, что Пётр I, «пресекший преемственное развитие русского народа, подчинивший церковь светской державе и положивший начало отпадению образованных классов от народного ствола, причинил величайший вред России». Как бы сумасбродно это ни звучало, но повторим: со времен первого императора России образованные верхи говорили на немецком языке, а ближе к концу столетия в моду вошел французский, и нам еще крупно повезло, что бабушка научила маленького Сашу Пушкина русскому языку.

Второе имя – поэтесса и писательница, тоже баловавшаяся сказками и также родившаяся в городе над Окой, Зинаида Николаевна Гиппиус. Она в октябре 1917 года напишет провидческие строки в знаменитом стихотворении «Веселье»:

*И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!*

Уездный Белёв, расположенный на левом высоком берегу Оки, в XVIII в. был оживленным городом с 15 церквями, двумя монастырями, семинарией на 160 учеников. В городе было 46 каменных и 1008 деревянных домов, которые составляли 36 улиц и переулков. В нем жили 1500 мещан, около 1000 купцов и 70 мастеровых, умевших «сверх обыкновенных ремесел» делать столовые ножи «самой лучшей работы». Город являлся фактически торговой столицей Тульской губернии, в нем, например, проживало купцов поболее, чем в самой Туле. Связано это было с тем, что через Белёв шла бойкая торговля тульским хлебом. Пшеницу, рожь, овес свозили на здешнюю пристань и стругами по реке вывозили в различные области России. А по весне, по еще полноводной Оке, сюда прибывал и хлеб из черноземной Орловской губернии.

Сохранилось в опубликованной в 1858 г. книге «Белёвская вивлиофика» «Описание г. Белёва и Белёвского уезда... 1792 г.». В нем имеются сведения о Темряни конца XVIII в. Село было не очень большим – всего-то 37 дворов. В нем проживали 150 душ мужского пола и 125 – женского. Усадьба Лёвшиных занимала 27 десятин, пашня – 166 десятин, покосы – 53 десятины. Самую большую площадь в имении имел лес – 541 десятина, – который сохранился до настоящего времени и тянется вдоль дороги на Чернь. Всего братья владели 820 десятинами земли. Рядом проходила большая дорога из Белёва в Чернь. В селе была каменная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, стоял каменный барский дом с примыкавшим к нему плодовым садом. Усадьба была добротной и зажиточной, во всем уезде стояло только 10 каменных господских домов и лишь 22 из 218 каменных церквей. Стоит добавить, что земли в уезде не славились плодородием, в отличие от черноземной части Тульской губернии, потому и урожай давали скромный, на что неоднократно жаловался писатель.

С 19 лет В. А. Лёвшин находился в армии. Сначала с 1765 г. он служил в Новотроицком кирасирском полку, а позднее, с 1768-го по 1773 г., – в штабе генерал-майора Давыдова в качестве адъютанта. Он поступил в армию, когда Семилетняя война (1756–1762) с победными походами русских войск в Европу закончилась. Ему пришлось принимать участие в русско-турецкой войне (1768–1774) и в малоудачной для русской армии кампании 1769 года, но в сражениях юный офицер не участвовал. В армии молодой и, главное, небогатый дворянин, живший на жалованье, столкнулся с негативными сторонами воинской жизни...

Военная служба в мирное время при самозванной императрице Екатерине II приобрела совсем особый характер, она сделалась не столько службой, сколько светским времяпрепровождением, и не только в гвардейских полках. Офицеры старались изо всех сил превзойти друг друга в роскоши и веселых кутежах, старались жить на широкую ногу: держать карету, много прислуги, роскошную квартиру, все это было для каждого из них практически обязательно. Мог ли молодой офицер Лёвшин соответствовать этим правилам? Наверяд ли. Но он устоял перед соблазнами и стал усердно заниматься чтением и дополнять свое образование.

Здесь кроется одна из загадок литератора, Лёвшин мог бы не связывать свою жизнь (всё же целых восемь лет!) с армейской службой, ведь в 1762 г. появился знаменитый «Манифест о вольности дворянства», который освобождал дворян от обязательной государственной службы и, кстати, и от телесных наказаний, а до этого пороли дворян как миленьких. Правда, дерзкие гвардейцы быстро отплатили своему освободителю и свергли законного императора, посадив на трон его жену-немку... Но вернёмся к Лёвшину. По всей вероятности, он отправился на военную службу по настоянию отца либо по собственному ре-

шению, не желая находиться в Темряни, ведь отец к тому времени вновь женился.

В. А. Лёвшин вспоминал позднее, что всякий благородный и хорошо воспитанный человек не может долго находиться в армии, преследуемый «лютостью, невежеством и наглостью» полковых начальников, но, согласно его родословной, опубликованной им в 1812 году, которая приводится ниже почти полностью, он увольняется с армейской службы по состоянию здоровья:

«Василий Алексеевич, четвертый сын Алексея Дионисовича от второй его супруги Елены Егоровны, родился в 1746 году, августа 6-го дня в городе Смоленске во время похода родителя его с полком в Ляфляндию, в службу вступил в 1765 году, продолжал оную сначала в Армии в бывшем Новотроицком кирасирском полку, находился в походе против турок в первую кампанию с 1769 года и, дослужась поручичьего чина, за приключившеюся ему болезнью перешел в штатскую службу, по которой производим был чинами до надворного советника; в 1803 году по имянному его величества государя императора Александра I Указу определен к делам, особенно от его величества препорученным действительному камергеру и статс-секретарю Александру Александровичу Витовтову, при которых и поныне (по 1812 год) состоит, получая жалованья из императорского кабинета по 2000 рублей в год. Склонность его к словесным наукам и притом к опытам по экономической части сопровождала его во время служения: свободные его часы, остающиеся от должности, были сему посвящены и приносили ему услаждение. Приобретенные им познания от всегдашних занятий частью хозяйственной были причиною, что в 1793 году октября 29-го дня избран он в члены императорского Вольного Экономического Общества С.-Петербургского, по которому впоследствии отправлял должность неперменного секретаря, и избран в непермен-

ные члены комитета; в 1795 году избран он в почетные члены королевского саксонского экономического общества.

1803 года, июля в 7-й день, его императорское величество Александр I, милосердный покровитель наук и полезных трудов, возложил на него орден святой Анны 2-го класса...

В 1804 году марта 15-го дня по высочайшему именному его императорского величества указу произведен он в коллежские советники...

В том же году избран он в С.-Петербург установленного по высочайшему соизволению Филантропического общества в члены, в котором 1795 год заседал старшиною, а потом исправлял звание неперменного секретаря.

1806 года избран он в члены Итальянской академии наук, имеющей пребывание свое в Неаполе.

В 1808 году избран в члены императорского общества Испытателей природы, основанного при Московском Университете.

По разным случаям сей Василий Алексеевич удостоился пожалован быть от его императорского величества в разное время пятью бриллиантовыми перстнями; от Императорского Вольного Экономического общества получил семнадцать золотых и четыре серебряных медали как за решение задач, предложенных оным обществом, так и по другим случаям и между прочим при коронации государя императора Александра I получил по именному его величества повелению одну золотую медаль.

1810 года июля 28-го дня государь император Александр I, продолжая монаршее свое благоволение, возложил на Василия Алексеевича орден св. Владимира 4-й степени...»

Но так случилось, что в 1772 г. в Белёве бушует страшный пожар, сгорает более 70 домов, и в тот же год отец Василия Алексеевича умирает и оставляет сыну небольшое

наследство. Заметим, что А. Д. Лёвшин в 1756 году по указу Елизаветы «за болезнью, отставлен из воинской службы, с награждением за тридцатилетнюю службу полковничьего чина». Вот так Василию Лёвшину, правда, совместно с братом, перепало более пятисот душ крепостных обоюбого пола в Тульском и Калужском наместничествах; также родовой Темрянью два брата Василий и Николай владели вместе с 1773 года. Как видно, писатель относился все же к мелкопоместным небогатым помещикам и вынужден был искать сторонних заработков и фактически на них содержать свою немаленькую семью...

Получение наследства позволило В. А. Лёвшину в 1773 г. немедленно выйти в отставку в чине поручика. Приблизительно в это же время и в таком же малом чине оказался в отставке и будущий издатель и журналист Н. И. Новиков, в свое время такая же судьба ожидала и Н. М. Карамзина. Кроме официальных причин выхода в отставку В. Шкловский предполагает, и с ним трудно не согласиться, что отвратило Лёвшина от военной службы прежде всего столкновение интересов его, как мелкопоместного дворянина, с крупным дворянством внутри самой армии. Об этом мы узнаем из одного отрывка, запрятанного в «Русские сказки», как прячут контрабанду в сундук с двойным дном:

«...лютость и невежество, во зло употребляющие установленные от премудрых государей военные законы, и предводительствуемая тем наглость полковых начальников казались мне удобными выгнать в отставку всякого благородного и хорошо воспитанного человека. Молодой господчик, возрастший посреди нежной роскоши, не знающий ни о чем, кроме мод и ветреных нравов, кои занял он у француза, своего учителя, чрез знатных родственников вдруг получает полк. Не ведая нимало военной должности, думает, что необходимо надлежит приучить воина знать вкус в нарядах, бить оного за то, есть ли время зимы

в платье, сшитом покроем иностранным, изнуряемый строгостию хлада, согнется, не понимая того, что всякая одежда должна согласоваться климату: неровно напудренная голова есть у него преступление, заслуживающее изувечения» (ч. VII, стр. 137–138).

Эта обида делала небогатого дворянина чувствительным и к положению солдата:

«...за малую ошибку, которая иногда в том состоит, что не согласна с его нравом, ругает их как скотов. С гордостью обыкновенно сообщается ненависть, а от них происходит безчеловечье, вымыслившее неслыханное доселе наказание, по полторы тысячи ударов палкою, что никогда и над осужденными на смерть не чинят; у них сие обычайное воину за малую нечистоту оружия или иное маловажное преступление. Офицер же добронравный, не подражающий сим тиранствам и соблюдающий здоровье подчиненных воинов к пользе государства, бывает называем дураком, не знающим должности, лишаем чина, выгоняем из полку. Дворяне, видя несчастный пример своих собратий, оставляют службу, и на их места одобряются подражающие намерениям своего начальника; от чего происходит, что в больницах бывает вдруг по триста больных; и в случае брани выходит полк, изображающий более дряхлость, нежели мужество, долженствующее сносить трудность похода и казать в сражении силу тогда, как переломанные кости велят им охать и падать от изнурения» (ч. VII, стр. 138–140).

Сам мелкопоместный дворянин, он же офицер в строю, испытывает притеснения. Полковой начальник его заставляет одеваться щегольски:

«...на что вычитывает у них из жалованья деньги, так что у иного останется за вычетом в треть только рубли по четыре на содержание, то можно ли недостаточному, живущему на одном жалованье, проживать сею суммою?» (ч. VII, стр. 140).

И мелкопоместный дворянин уходит из армии. Начальник «за малую погрешность не токмо обругает его как лошадь, но лишит и чина: потому что право одобрения на оный имеет в руках своих» (ч. VII, стр. 143). Такое положение дел заставляло мелкопоместного дворянина либо терпеть превратности судьбы и стараться подняться по служебной лестнице, либо уходить в отставку.

Наконец-то оказавшись в родной Темряни, В. А. Лёвшин с головой погрузился в усовершенствование своего хозяйства и занялся литературной деятельностью, в обоих делах одинаково преуспел. Решающее влияние на определение творческих интересов отставного поручика оказали Н. И. Новиков, а также столичные литераторы 70-х годов XVIII в.: Ф. П. Ключарев, Н. М. Карамзин и другие. В. А. Лёвшин стал одним из активных членов «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» (1768–1783). Это было объединение переводчиков, в котором принимали участие выдающиеся литераторы и ученые тогдашней России: И. Ф. Богданович, Я. Б. Княжнин, Я. П. Козельский, А. Н. Радищев, С. Я. Разумовский и другие. Всего в «Собрании» участвовало более ста переводчиков. Они подготовили к изданию за 15 лет 112 книг, в том числе произведения знаменитых французских энциклопедистов. Просвещенный круг, в котором оказался белёвский дворянин, произвел огромное впечатление на него. Наибольшее влияние на В. А. Лёвшина оказал известный просветитель Николай Иванович Новиков, единомышленником которого он и стал.

Н. И. Новиков в последней трети XVIII в. оказался центром всей просветительской среды в России, активно формируя и расширяя ее границы. Не станем надолго останавливаться на фигуре Новикова – писателя и философа, бесстрашного полемиста и деятельного издателя, о нем на-

писано достаточно. Своей практической работой Николай Иванович обогатил русскую культуру публикациями древних рукописей, изданием первого в России «Опыта словаря о российских писателях», переводами трудов европейских философов от античности до современных ему просветителей – энциклопедистов и английских материалистов. Отметим только: А. С. Пушкин справедливо заметил, что Н. И. Новиков «подвинул на полвека образованность нашего народа».

Главное, деятельность просветителей способствовала тому, что русское общество в конце XVIII в. имело устойчивую привычку читать книги, журналы и газеты, ходить в театр, слушать музыку. Для этого Новиковым издавалась доступная по цене, привлекательная для широкого круга читателей литература: романы, сборники сказок, письмовники, песенники, книги прикладного, практического характера, содержащие элементарные сведения, необходимые в торговле, сельском хозяйстве, быту, всякого рода руководства, лечебники, травники. Книга стала важным проводником в постепенном усвоении достижений других народов в разных областях жизни, помогая слому средневековой замкнутости российского общества.

Принадлежность к данному кругу деятелей просвещения сыграла главную роль и в масонских настроениях В. А. Лёвшина, о чем мы обмолвимся, чтобы не оставлять недомолвок у нынешних сторонников идеи заговора. Не только он, но и многие мыслящие люди второй половины XVIII в., в том числе и деятели культуры, например Н. И. Новиков, вначале не придававший значения масонству, но со временем поменявший свое мнение, искали в нем пути к общественному и нравственному совершенствованию. Тогдашних масонов объединила неудовлетворенность нравственным и политическим состоянием общества. В. А. Лёвшин принадлежал к левому крылу масонов,

что доказывало его связь с либерально настроенным дворянством; они исповедовали веру в возможности разума, его познавательную роль по отношению к природе, обществу; демократические идеи равенства людей перед природой, законом. А. С. Пушкин в своей статье «А. Радищев» писал о масонах так: «В то время существовали в России люди под именем мартинистов... Странная смесь мистической набожности и философского вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их поколение».

Русская жизнь в то время представляла собой весьма пеструю картину, особенно в столичных городах, где соседствовали внешний блеск и стремление к европейской образованности, увлечение новыми идеями французских энциклопедистов и мыслителей с крайним невежеством, распущенностью и грубостью нравов, суевериями, ханжеством и жестокостью к крепостным. По воспоминаниям современников, например статс-секретаря императрицы Екатерины II А. М. Грибовского, немногие даже из сиятельных вельмож хорошо знали русскую грамоту, что из всех их только князь Григорий Потёмкин и граф Александр Безбородко владели русским правописанием.

Вернемся к литературе. Еще в 1773 году, то есть в год выхода Лёвшина в отставку, в типографии Московского университета (заметим, самой крупной в Москве) печатается его дебютная книга «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени», а уже через 15 лет он стал автором целого ряда прозаических произведений, а также басен. Через два года после выхода книги загадок молодой литератор обращается к собственному творчеству и в 1775 году в модном духе зарождающегося в России сентиментализма пишет «Утренники влюбленного» – как

он сам отмечал, первый опыт сочинения о любовных чувствах. Книга посвящена будущей жене и состояла из шести утренних монологов молодого человека, разлученного со своей любимой, и четырех нравоучительных писем – «утренников», адресованных «легкомысленной» женщине, где автор касается щекотливых вопросов измен и ревности, супружеской любви. Современный исследователь А. Курилов в своей статье о Лёвшине определяет, что сочинение написано хорошим языком и является ярким образцом нашей ранней сентиментальной прозы, и если бы молодой литератор пошел этой стезей, то слава первого сентименталиста могла по праву достаться ему, а не Н. Карамзину.

Все это поставило молодого литератора в один ряд с создателями русской демократической литературы конца века. Он примкнул к писателям-разночинцам М. Д. Чулкову, М. И. Попову и Ф. А. Эмину; последний и сам отметил-ся на ниве сентиментализма в 1766 г. в «Письмах Ернеста и Доравры». Эта группа видела в своей литературной деятельности кроме просветительских целей и критического отношения к дворянству в том числе добывание средств к существованию.

Не исключено, что чувственная и дышащая любовью книга не подвела ее создателя, и в 1776 г. В. А. Лёвшин женился на дочери надворного советника С. Л. Казаева – Федосье Степановне Казаевой. На следующий год белёвское дворянство выбрало его заседателем уездного суда на 1777–1779 гг., а после – и судьей. Но Лёвшин не замкнулся в семейном и служебном кругу, а продолжал активную творческую деятельность: начал подрабатывать переводами в качестве члена «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», куда был принят по рекомендации известного просветителя Н. И. Новикова. Отметим, что переводческая деятельность Лёвшина – а он переводил с немецкого, французского и итальянского – не прекращалась до

последних дней его жизни, но и ее ему приходилось постоянно совмещать с собственным творчеством, и это имея постоянную службу, а еще и управление именьями, пусть и небольшими, но все равно требовавшими внимания. В лице Лёвшина мы видим государственного служащего, переводчика, писателя и хозяйственника-экономиста, а еще отчасти и фольклориста, данной деятельностью он также занимался, но все это в полной мере позволило проявить и реализовать «склонность его к словесным наукам и притом к опытам по экономической части».

В то время, когда молодой литератор из-под Белёва выходил на литературную тропу, в России господствовал классицизм, основы которого в первой половине века заложили российские просветители: А. Кантемир, В. Тредиаковский, М. Ломоносов, – которые тем самым способствовали культурному развитию общества и созданию национального искусства. Но со временем оно стало уводить литературу все дальше от окружающей действительности, сделав его антииндивидуальным. К тому же в литературе классицизма главное – поэзия, оттого его сторонники относились к зарубежным и первым русским бытописательным романам и повестям с пренебрежением, порой с прямым осуждением объявляя прозу «презренной».

Однако в 60-е годы массовый демократический читатель проявлял интерес именно к повествовательной литературе на русском языке. Образованное дворянство также зачитывалось европейскими романами, но в подлинниках, на немецком или французском языках. В. А. Лёвшин сам мог наблюдать страсть мелкого провинциального дворянства, купечества, мещанства, грамотной верхушки крестьянства к бытовавшим тогда рукописным повестям и романам. К этому массовому читателю было обращено творчество

писателей-разночинцев Ф. А. Эмина, М. Д. Чулкова и других литераторов.

Но оригинальных прозаических произведений в русской литературе еще было слишком мало. Поэтому отечественные литераторы, что отважились писать прозу и желали удовлетворить все возрастающий спрос «третьего сословия» на национальную книгу, начали массово переводить европейские романы и повести. В период 60–80-х годов на книжном рынке появились переводы почти всех выдающихся произведений античной и западноевропейской литературы. На неискушенного читателя обрушился поток переводных плутовских, авантюрных, политических, нравоучительных и, наконец, новомодных сентиментальных сочинений. А первое место по количеству переводов занимали сочинения Вольтера. Широкому знакомству с работами Вольтера и французских энциклопедистов российский читатель обязан упомянутому нами «Собранию, старающемуся о переводе иностранных книг». Оттого книгами французских просветителей торговали не только в книжных лавках, их даже пытались продавать как горячие пирожки – вразнос на улицах Петербурга. Этим занимались писатели, актеры, даже известные сановники: И. А. Алексеев, С. И. Гамалия, И. А. Дмитриевский, А. М. Кутузов, М. И. Попов, А. Н. Радищев и другие.

Василий Лёвшин тоже попал под обаяние произведений Вольтера. Однако к концу 80-х годов нашел в себе мужество порвать с вольтерьянством. В 1788 г. он публично покаялся в специально написанном трактате под названием «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера “На разрушение Лиссабона...”». В нём, несмотря на давивший на него авторитет французского вольнодумца, он вступил в спор с его идеями. В своем сочинении Лёвшин приводит десятки самых разнообразных примеров, делает

множество отсылок для доказательства того, что знаменитая поэма и большая часть его сочинений – жестокое заблуждение, «хула на Бога». Свои писания белёвский мыслитель определил как «защитение» всеми доступными и допустимыми средствами «закона христианского». Но, конечно, это не было защитой, полностью основанной на догматах христианства. Он признает наличие провидения, веры, а смысл жизни человека – в добродетели. Позиция Лёвшина опиралась на популярный в то время деизм, но, к счастью, не такой революционный, как у Вольтера и его последователей.

Я не просто так упомянул интерес к русскому народному творчеству, которое, видимо, Василий Алексеевич прекрасно знал с самого детства. Пристальное внимание русских писателей второй половины XVIII века, в том числе и Лёвшина, к устному фольклору, истории России, обычаям и нравам народов в основном было вызвано просветительской идеологией. Русские беллетристы выдвинули проблему национального характера, проявили неподдельный интерес к русскому языку. Писатели из демократического лагеря, к коим относился и наш герой, использовали народное творчество для сближения литературы с действительностью.

В то время интерес к «славянским древностям», русской старине и национальной мифологии активно и неустанно пробуждают у россиян своим творчеством М. Д. Чулков и М. И. Попов (о них мы еще поговорим дальше). Подобное увлечение вывело Лёвшина-переводчика на эту тропу. Так, сначала он работает над переводом с немецкого «восточной повести» «Везири, или Очарованный Лавиринф» (ч. 1–3. М., 1779–1780), а затем приступает к многотомной «Библиотеке немецких романов» (ч. 1–3. М., 1780). В ней были собраны «германские древности» – романы, как «рыцарские»,

так и «народные» (бытовые). Видимо, опыт составления этой «библиотеки», а также знакомство с ранее вышедшими в Париже «Всеобщей библиотекой романов» и «Голубой библиотекой» народных «романов» (сказок), как отмечают практически все исследователи творчества Лёвшина, наводит его на мысль о создании такой же «Библиотеки», но уже «романов» собственно русских. «Библиотека немецких романов», переведенная с немецкого Лёвшиным, вещь предромантическая, так говорит В. Шкловский, и нужно добавить, что именно романтизм является благодатной почвой для расцвета литературной сказки.

«Романы, – писал Лёвшин в предисловии, – были первые книги большей части народов. Они содержат вернейшие изображения наших времен, наших обычаев, пороков и добродетелей. Оные суть толико нравоучительных картин, где истина скрывается под покрывалом выдумки. Дичайшие орды, равно как просвещенные народы, имеют оные собственные». А раз так, то что, мол, говорить о народе русском, издавна просвещенном (в смысле, принявшем христианство). Писатель убежден: в России также имеются свои романы, но они, из-за того что русские «опоздали выучиться грамоте», не удостоились «предания на письме» и «хранятся только в памяти», а потому никто до сих пор не «почтил оные собранием и изданием в печать». Вот эту историческую несправедливость и решает исправить Лёвшин. Он приступает к их «составлению»-реконструкции и в «подражание» прежде него «начавшим подобные предания» (имеются в виду М. Чулков и М. Попов) издает в 10 томах – 5 книгах под общим названием «Русские сказки, содержащие Древнейшие Повествования о славных Богатырях, Сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти Приключения» (ч. 1–4. М., 1780; ч. 5–10. М., 1783; 4-е изд. – 1829) «с намерением сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имеющих

время собрать все оных множество, чтоб составить Библиофику Русских Романов» (ч. I, с. 4).

Для писателя XVIII века роман, что удивительно, занимал не то место, как в наше время, когда он почти вытеснил остальные жанры. В те времена проза уже одним тем, что она проза, за исключением ораторской, учитывалась как некоторое снижение вкуса. Поэтому представитель высокой литературы Сумароков резко высказывается против романа, делая исключение только для «Дон Кихота» – как для романа, направленного против романа. Но рыцарский роман, так удачно пародируемый Мигелем де Сервантесом, не умер, он продолжает существовать до сих пор. Роман также нещадно осмеивался и позже, в эпоху романтизма, пока не появился вновь в другом качестве. Он был вскоре переосмыслен писателями, вообрал в себя национальный оттенок; возникла установка на психологию героев, их развитие по ходу повествования, на мотивирование поступков; явились новые способы поэтического изображения. Даже космополитичность старого рыцарского романа, убитая романтизмом, вернулась в XX в. вместе с фэнтези.

Переводчик Василий Лёвшин в примечании к части I отмечал, что для нас также имеет большую ценность стиль, язык романов, который он после перенесет в свои «Русские сказки»: «Перелагая на наш язык сии Немецкие древности, которые в оригинале представлены самым тогдашнего времени наречием, должен я сколько возможно сохранить древнюю Литературу: по чему читатели да извинят отступление мое от слога нынешнего, ибо следует мне переводить оные литерально, дабы сколько возможно дать понятие, каковыми степенями вычищались от грубости своей слово-предложения и вкус сочинителей».

Также исследователи отмечают ироническое отношение к тогдашней сказке у Лёвшина, и не только у него, автор как бы извиняется за свои «безделицы». В то же время в Европе существовала и другая реакция на подобные произведения, например, чрезвычайная заинтересованность в сказке представителей высокой литературы в Германии (Г. Лессинг, И. Гёте, К. Виланд).

В русской литературной сказке Лёвшина произошло похожее явление. Многие романы немецкого сборника галантны, переполнены любовными приключениями или сказочно пародийны. Отсюда и идет та пародийная сказочность, что мы потом находим в «Русских сказках», которые, по уверению В. Шкловского, по своему построению являются при чередовании жанров подражанием «Библиотеке немецких романов», и поэтому они, конечно, более сборник романов, чем сказок.

Полагая, что «повести о рыцарях не что иное, как сказки богатырские», Лёвшин создает на основе русских былин, исторических преданий и песен цикл повестей – «богатырских сказок» о временах «Великого Князя Владимира Святославича Киевского и всея России», о том, как «сражались и служили у него славнейшие Богатыри: Добрыня Никитич, Алёша Попович, Чурило Пленкович, Илья Муромец и дворянин Заолешанин», с чьей помощью «побеждал он греков, поляков, ятвягов, кософов, радимичей, болгаров и херсонян» (ч. I, с. 3, 7). Считая, что «начертания» жизни и «обыкновенный» народных есть сказки (романы) «народные», Лёвшин «во удовольствие любителям сказок» пишет несколько оригинальных литературных сказок (новелл) – «бытовых сказок» плутовского, аллегорического и комического характера, основанных на реалиях современной ему российской действительности (о Тимоше, попавшем в ученики к разбойникам и сумевшем их обмануть, о Цыгане, о воре Фомке, о чиновнике-пьянице и «новомодном дворянине»). Эти

сказки, значительно меньшие по объему, чем богатырские, и составили «второе отделение» его «Русских сказок».

Говоря о русских литературных сказках XVIII века, как и о «Русских сказках» В. Лёвшина, мы должны понимать, что они весьма и весьма отличались от аналогичных сказок даже следующего, XIX века, а тем более от народных. Во второй половине галантного столетия кипел невообразимый котел, где стряпались новые традиции, вот только достанутся они не тем поварам, что разрабатывали рецепт и дышали дымом и паром, а их литературным наследникам. В. Шкловский чересчур сурово отмечает, что, говоря о первых русских сказках, нельзя настаивать даже на слове «русские», потому что разница между оригинальным произведением и переводным для того времени не так уж велика. В тогдашние сказки вводили, как мы узнаем, сказку переводную, даже порой не изменяя имен.

В екатерининские времена сказками не только пользовались и переделывали их, но и создавали. «Повествователь русских сказок» (автор неизвестен, возможно, некто Тихонов), изданный в Москве в 1787 году, интересен тем, что в нем видно превращение лубочного листка в сборник сказок. В начале «Сказки о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике», которой открывается первая книга сборника, находится прямое указание на источник: «...онный именитый витязь родился у нас, есть ли должно верить тем исправным историкам, которые, слышав по преданию от старинных людей вместилища древности, какую повесть издавали в свет на листках. И так во удовольствие некоторых любителей вознамерился я о сем знаменитом герое написать историю не витийственным, а простым слогом». Сам сборник содержит схематические пересказы сказок.

Сказки эти похожи одна на другую, потому что неизвестный «повествователь», очевидно, записывал их, не понимая, что иногда это варианты одной и той же сказки. «Сказка о принце Карзамане» – точный пересказ переводной сказки из «1001 ночи». Далее, продолжает В. Шкловский, источниками для так называемых русских сказок в то время являлись: пародийная французская сказка, которая переводилась в чрезвычайном количестве, сказка, очень часто пользующаяся псевдоарабскими обрамлениями, рыцарский роман, затем опера и, наконец, отдельные элементы прежде существовавших русских сказок.

Вернемся к Лёвшину. Представление о всей этой системе может дать «Известие» Лёвшина в первой части книги «Русские сказки»: «Издать в свет книгу, содержащую в себе отчасти повествования, которые рассказывают в каждой харчевне: кажется, был бы труд довольно суетный; но я уповаю найти оправдание мое в следующем.

Романы и Сказки были во все времена у всех народов; они оставили нам вернейшие начертания древних каждой страны народов и обыкновений и удостоились потому предания на письме, а в новейшие времена, у просвещеннейших народов, почтили оныя собранием и изданием в печать. Помещавшиеся в Парижской Всеобщей Вивлиофике Романов повести о Рыцарях не что иное, как сказки Богатырские, и Французская *Bibliothèque Bleue* содержит таковыя ж Сказки, каковыя у нас рассказываются в простом народе. С 1778 года в Берлине также издается Вивлиофика Романов, содержащая между прочими два отделения: Романов древних немецких рыцарей и Романов народных. Россия имеет также свои, но оныя хранятся только в памяти; я заключил подражать издателям, прежде меня начавшим подобные предания, и издаю сии сказки Русские с наме-

рением сохранить сего рода наши древности; и поощрять людей, имеющих время, собрать все оных множество, чтоб составить Вивлиофику Русских Романов.

Должно думать, что сии приключения Богатырей Русских имеют в себе отчасти дела бывшие, и есть ли со всем не верить оным, то надлежит сомневаться и во всей древней Истории, коя по большей части основана на оставшихся в памяти Сказках; впрочем, читатели, есть ли похотят, могут различить истину от баснословия, свойственного древнему обыкновению в повествованиях; в чем, однако, никто еще не успел.

Наконец, во удовольствие любителям Сказок, включил я здесь таковыя, которых никто еще не слыхивал и которые вышли на свет во первых в сей книге».

Состав книги, таким образом, ясно указывает, что в ней имеются рыцарские романы; в последнем абзаце упоминается то, что обыкновенно называется фацециями (потешками). Материал арабских сказок литератором не упоминается.

Каким образом вводился материал местный, мы видим также и в предуведомлении к сочинению Михайла Попова «Старинные диковинки, или Приключения славенских князей» (СПб., 1778). Книга эта в первом издании, правда, называлась «Славенские древности» (СПб., 1770–1771) и побудила кого-то искать в ней подлинную историю. Поэтому во втором издании Попов ввел следующую оговорку: «...царствуют здесь одни вымыслы забавных и чудесных приключений старинных Витязей, прикрашенные по местам Славенскими историческими и баснословными некоторыми Достопамятствами, что и было мне побуждением ко прежнему наименованию моего Романа».

Вставки в сказки не всегда удаются. Этнографический материал (например, песня) у Лёвшина попадается иногда не в самом тексте, а в примечании к «Повести о слав-

ном князе Владимире Киевском Солнушке Всеславьевиче и о сильном его могучем Богатыре Добрыне Никитиче».

Чудесное в сказках состоит в ряде превращений, они так многочисленны, что совершенно понятно заявление одного из героев романа Попова «Старинные диковинки»: «... Не странна мне была сия перемена, ибо к чудным сим превращениям имел уже я привычку». Данные метаморфозы сильно напоминают оперные, даже слышен стук молотков за сценой, а иногда с нескрываемой иронией приводится и сама механика превращений: «Пока еще Светлосан, с Оруженосцем своим, стоял от удивительного сего приключения в недоумении, в то время превратившийся пустынный, махнув стрелою, проговорил несколько странных слов, за которыми последовал преужасный шум и стук молотов, по окончании коих пещера превратилась в великолепную колесницу, запряженную шестью единорогами».

Еще большей «оперностью» отличается следующий отрывок из «Русских сказок» в «Повести о дворянине Заолешанине, богатыре, служившем князю Владимиру»: «... При первом взгляде за оным представилось Громобойю волнующееся море, и выскакивающие из оногo чудовищи развали страшные свои пасти, грозя проглотить всякого приближающегося. “Вам должно броситься в сие море и плыть посреди сих чудовищ; достижение к драгоценной вещи не может уступить опасности”. “Я ничего не имею в сердце, кроме Миланы”, – отвечал Громобой и побежал повергнуться в море. В самое сие время тьма распростерлась над водами, и невольник без пользы говорил Громобойю, чтоб он подождал, поколь тьма исчезнет; он бросился с берега.

“Ты шутишь надо мною, – сказал Громобойю, когда опять просияло, и увидел он стоящего близь себя невольника. – Здесь только игрище, и я вместо моря и волн упал на растянутую холстину, кою поддували мехами”. “Нет, государь мой, – отвечал невольник, – благодарите вашей отважности;

без нее вы не разрушили бы сея очарованные бездны, и волны ее иль чудовищи конечно бы вас поглотили. Но впереди там уж не очарование: с природою вам надлежит сразиться, ступайте”. Громобой следовал, и вдруг преужасная пламенная река пролилась впереди их. Сверкание пламени было ужасно, и казалось, что растопленная медь готова была обратить в пепел каждого приближающегося. “Вам должно перейти сию реку, – сказал невольник, остановясь. – Здесь уже мужество вам не поможет, есть ли б вы были не человек, а вещество несгораемое... Не лучше ль возвратиться? Безумно наверное умереть; ибо по смерти нет от любовниц никаких ожиданий, воротимся”. “Слабый, – молвил Громобой с досадой, – разве забуду я, что смерть моя полезна Милане”. Сказал сие и бежал в огонь.

Он вдруг остановился и искал, чем бы побить невольника. Представлявшее издали огненную реку был ряд выпуклых зеркал, поставленных на дрожащих пружинах так противу солнца, что отвращенные онаго лучи ударялись прямо в глаза приближающимся».

Таким образом, мы видим, как опера повлияла на сказку, а в самой литературной сказке стало возможно и даже модно чудеса объяснять, исходя из рационального подхода, а не волшебного или магического. Кстати, данный прием активно используется многими авторами до настоящего времени.

Поразительная история о ковре-самолете рассказывается в «В повести о богатыре Булате»: «Наконец летающий ковер стал готов. Оным можно было управлять так на воздухе, как ладиею на воде; оный поднимался на высоту, опускался вниз, стремился вдоль и оборачивался в каждую желаемую сторону. “Посредством ковра сего, о Роксолан, – сказал мне Аспарух, – намерен я подкрепить храбрость и надежду нашего народа. Ты ведаешь, что нужно утверждать простолюдинов в предрассудках как для того, чтоб привести их

в повиновение, так и затем, чтоб можно было при всяком нужном случае возбудить их ревность и храбрость, под предлогом защищения вещи, кою сочтет он за святыню. Венец, мною соделанный, конечно, заслуживает сие предпочтение, в рассуждении предписанных на оном законоположений; однако ж надлежит деятельнейшим способом привести народ к рабскому оного обоготворению; ибо без сомнения твердо простоит держава, где Государь следует надписанному на венце сем и где подданные каждое повеление своего Государя приемлют за глагол божественный. Я намерен предстать к моему сыну Русу и уверить его о покровительстве Богов и о обещании оных послать ему с неба венец, на коем предписаны будут правила, как ему должно вести себя на престоле. Я подвигну его ко всенародным молениям, и тогда пред собранием народным ты должен будешь, сокрывшись в летающем ковре, опустить оный на золотой нити на главу Русову. Я отрежу притом нить так, что народ сего не приметит и сочтет венец слетевшим с небес по воздуху. Ты предвидишь, я чаю, всю пользу такого благонамеренного обмана? Я не сомневался в сей истине и следовал воле моего учителя”.

В назначенный час сели мы на ковре, забрав с собою сосуд, венец, зеркало, таинственные книги и орудия, и, поднявшись на воздух, пустились к столице Русской. Достигнув оная, опустились мы в великом лесу близь соленого озера с южной онаго стороны. Аспарух, взяв с собою золотой сосуд и зеркало, пошел во Дворец, а меня с венцом оставил, повелев, чтоб в следующее утро поднялся я на ковре довольно высоко и высматривал надлежащего времени, когда следовать будет опуститься ниже и свесить венец.

Аспарух принят был как некое благодетельное божество. Князь Рус и весь тайный его совет внимали с набожностью его пророческие глаголы и сделали распоряжение к утреннему всенародному молению.

Едва багряная Зимцерла распростерла на востоке свои оживляющие природу ризы и отворила врата к изшествию благотворительного Световида, я поднялся на ковре в высоту и ожидал надлежащего времени, держа в руках конец длинной, к венцу укрепленной золотой нити. Вскоре показался Рус, водимый родителем своим Аспарухом, в провождении несчисленных полков воинства, всего народа и самих жен и детей. Они шествовали на поле до холма, посвященного громоносному Перуну; жрецы несли торжественно истукан Чернобогов, некоторые из них пели песни, а прочие вели черных агнцев, покрытых черным аксамитом, на пожирание Богу мстителю, и белых, увенчанных связками красных цветов, для всесожжения пред Перуном. В приближении их к холму дневальные жрецы близь стоящего жертвенника неугасаемого Знича повергли на огонь благовония и с гласом труб и рогов соединили встречную песнь. Наконец приходящие жрецы, переменяясь со стоящими на холме, пели покорно похвалу обоим Богам; народ всем множеством оканчивал последние стихи песней и колебал воздух своими восклицаниями. Истукан Чернобогов поставили рядом с Перуновым; заклали агнцов, возложили на пылающие жертвенники и, общественно упав на колени, приносили благодарные мольбы за обещание, ниспосланное небесами через уста мудраго Аспаруха. Сей по пожрании огнем жертв приступил к истуканам, и, упав на одно колено, простер вверх свои руки, и произносил следующую молитву: Великий Перун, отец Богов! И ты, о Чернобог, защитник Русскаго народа! Примите сию жертву благодарения от страны, ожидающей исполнения священного вашего обета, да познают враги наши, что меч, толико им страшный, управляется вашим водительством, что заступление ваше будет вечно на Князях, увенчанных венцом небесным. Я с коленопреклонением исповедую, что слова божественныя не могут быть применяемы; но чтоб не произошло некогда со-

мнения о предсказании моем о вашей воле, явите, что уста такового, как я, сединами покрытого старца, лжи вещать не могут. Да ниспадет всенародно с небес венец вашего благословения на главу того, коего избираете вы водителем Русского народа и котораго потомство достойно будет споспешествовать его славе и благоденствию! – В сие мгновение опустил я летающий ковер книзу».

Как видим в приведенном отрывке, чудеса одновременно и достаточно традиционны для сказочного повествования, и рационалистичны. А национализация материала происходила путем внесения примечаний географического и главным образом местного мифологического характера.

Например: «Сие боговещалище, или Оракул, находилось близ пригородка Елабуги при речке Тойме, впадающей тут же в Каму; которого поднесь еще видны каменные развалины, известные под именем Чортова городища. В оном жрецами был содержан обожаемый Великий змий, которому людей давали на снадение вместо жертвы. (См. записки Путешествий Капитана Рычкова, л. 44 и 45, ч. I, стр. 47–48.)

В самый текст произведения часто вставлялись редко связанные с сюжетом то полемические выходы, то элементы злободневной социальной утопии. Так, например, Россия в «Старинных диковинках» Михайлы Попова описана так: «...в Государстве его заведено было премножество разного рода заводов и фабрик, на коих делали всякие вещи, какие только были в употреблении в тогдашнее время. Инде ткали парчи, бархаты, штофы и другие шелковые материи; там делали сукна, полотна и все то, что человеку для одеяния потребно; в других местах выкапывали из земных недр разные металлы и по очищении их делали из оных всякие дорогие сосуды и орудия для великолепия и пользы всенародной. Одним словом, не было такого искусства, которое бы в сей благополучной Державе могло уйти от рук тщательных ее обитателей: и малый и старый были тамо в деле, ко-

торое сходствовало с их силами и знанием. Все содержатели таких заводов и фабрик платили Государю подать, которая весьма увеличивала его сокровище, а им была нимало не отяготительна. Люди там не имели нужды в чужестранных товарах; ибо все нужное имели дома; а иностранцам тогда только давали деньги, когда от них хотели научиться какому-нибудь новому мастерству».

Хотя ни один из элементов этого описания, правда, не попадает в сюжет произведения, все равно перед нами попытка привязать повествование не абы к какой сказочной стране, а именно к России. В нем мы видим одни чудеса и превращения.

Говоря о влиянии первых авторских сказок на последующее развитие русской литературы в первой трети XIX века, сразу пойдем с козырей. Вот А. С. Пушкин в поэме «Руслан и Людмила», как это отмечалось еще В. Сиповским в книге «Пушкин и его современники», заимствовал ряд мотивов из «Русских сказок» Лёвшина. Пародийность «Руслана и Людмилы» – это пародийность сказок XVIII века. А элегичность настроения Руслана, которая была отмечена как ошибка критикой, – это тоже элегичность XVIII века. Вообще Пушкин «Руслана и Людмилы» еще достаточно архаичен. Приведем крохотный отрывок из «песни третьей», каждый может открыть томик поэта и продолжить:

*... Он видит старой битвы поле.
Вдали все пусто: здесь и там
Желтеют кости по холмам,
Разбросаны колчаны, латы...*

А вот, по-видимому, источник данной картины, отмечает В. Шкловский в «Повести о славном князе Владимире Киевском Солнушке Всеславьевиче и о сильном его

могучем Богатыре Добрыне Никитиче»: «Через несколько дней взъехал я на просторную долину, которая вся покрыта была человеческими костями. Я сожалел о судьбе сих погибших и лишенных погребения и предался в размышления о причинах, приводящих смертных в столь враждебные противу себя поступки. Но задумчивость моя пресеклась тем, что конь мой вдруг остановился. Я понуждал онаго вперед; он ни шагу не двигался. Я окинул взорами и увидел перед собой лежащую богатырскую голову отменной величины».

Кстати, очень похоже на «Повесть о Силославе» М. Чулкова («Пересмешник», ч. I, вечер 2). Этот отрывок использован самим Лёвшиным в девятой части «Русских сказок»: «Он видит исполинский остав, одетый броней; долгота времени, обнажившая кости, не лишила сию красоты ее: броня сияла от лучей солнечных, и великий меч лежал вместо возглавия под черепом богатырским («Повесть о богатыре Булате», с. 207–208.).

Только в сказке В. Лёвшина под богатырской головой лежит не меч, как у Пушкина, а ключ. Он от горы, в которой находится меч. Пушкин, видимо, сжал сюжет, сделал его еще более пародийным, а также ввел литературную пародию («Двенадцать спящих дев»). Например, отрубленная голова обладает каким-то характером, она еще ругается. Руслан ее ударяет. Все это трудно себе представить у Лёвшина.

Из тех же «Русских сказок», вероятно, заимствован и волшебный сон Людмилы: «...она спала на постели, усыпанной розами. Я приблизился, пожирал глазами ее прелести, не смея дышать, дабы не возмутить ее покоя. Но ах! Сей сон ее был действие очарования. Три дня сидел я у стены хрустального здания, ожидая ее пробуждения, не вкушая никакой пищи, но бесплодно: Зенида опочивала» («Повесть о богатыре Булате»).

У Пушкина:

*В сетях открылася Людмила:
Не веря сам своим очам,
Нежданнм счастьем упоенный,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвет.
Любви восторга слезы льет,
Зовет ее – но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ее подьемлет.*

Приведу высказывание Николая Полевого в «Очерках русской литературы» об этой поэме Пушкина: «Бесспорно: в “Руслане и Людмиле” нет ни тени народности, и когда потом Пушкин издал сию поэму с новым введением, то введение это решительно убило все, что находили русского в самой поэме. Русизмом поэмы Пушкина была та несчастная, щеголеватая народность, флориановский манер, по которому Карамзин написал “Илью Муромца”, “Наталью, боярскую дочь” и “Марфу-Посадницу”, Нарезный – “Славенские вечера”, а Жуковский обрусил “Ленору”, “Двенадцать спящих дев” и сочинил свою “Марьину рощу”».

Старая флориановская, виландовская, лёвшинская народность была еще народностью условной, она и к Пушкину перешла в указанной поэме, и Полевой это понимал. Не помогает автору упоминание Днепра, отеческих русалок, лучшего, хазарского хана, Руси и прочего...

Вернемся к Лёвшину. Так, новеллы сращиваются в «Русских сказках» двумя способами. Первый способ: герой рассказывает свое прошлое. Обыкновенно за этим рассказом

вводится новый герой. Прием этот настолько условный, что герой иногда рассказывает другому герою такие события, в которых тот сам был участником.

Второй прием – это переход от отца к сыну. Рассказывается история отца, затруднения к браку, например, а потом рассказ переходит на историю сына.

Этот сложный развернутый прием есть, например, в «Повести о дворянине Заолешанине» и взят, вероятно, из «1001 ночи» (История принца Камаральзамана).

Лёвшинский сюжет, сюжет ходовых вещей XVIII века, основан на занимательности. Но нередко части повествования не связаны друг с другом. XVIII век знал народность, но народность эта во многом еще пародийная, утверждает Виктор Шкловский. Трудно и часто неблагодарно быть первыми. Так, чулковские сказки и сказки Лёвшина пытаются найти тропинку в темном лесу к истинной народности, но все смахивает на то, насколько бессмертный «Дон Кихот» является рыцарским романом. Народность в литературных сказках и не только, взятая всерьез как направление, – это дело уже грядущего XIX века.

Особняком в сборнике «Русских сказок» стоят части VII и VIII. Они представляют собой одно произведение – «Приключения Любимира и Гремиславы». Это самый большой слитный кусок во всех десяти томах «Русских сказок». Слитность, конечно, условная. В основу ее положен любовный роман, данный в манере романа «История кавалера де Гриё и Манон Леско» популярного французского писателя аббата Прево. Это рассказ молодого человека Любимира о своих несчастьях.

Во времена Лёвшина сказки не столько собирались, сколько просто-напросто сочинялись. Белёвский писатель все же несколько расширил тематику сказки и вызвал этим возражение рецензента в «Санкт-Петербургском вестнике» от апреля 1781 года. Вот что писала газета:

«...что касается до издания старинных богатырских сказок, мы согласны с г. издателем, но правду сказать хотели бы, чтоб он в самом исполнении своего намерения больше придерживался старинного сказкослагателей слога, историческими и етимологическими своими примечаниями изъяснял темные места. В сем, однако, как и во многих других делах, гораздо легче желать, нежели исполнять.

Из прибавленных издателем новых сказок некоторые, как то: о воре Тимохе, Цыгане и проч. – с большею для себя книги выгодною могли бы быть оставлены для самих простых харчевень и питейных домов, ибо всякий замысловатый мужик без труда подобных десятков выдумать может, которые ежели все печати предавать, жаль будет бумаги, перьев, чернил и типографских литер, не упоминая о труде господ писателей».

Это «известие», как отмечает Виктор Шкловский, – кажется, единственный известный нам отзыв современников о «Русских сказках».

В 1787 году Лёвшин издал «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских», которые служат продолжением «Русских сказок». В отличие от «Русских сказок», они разбиты на «вечера», то есть в них есть непосредственное влияние «1001 ночи». «Сказки славян древлянских» заключают в себе еще меньше национальных элементов, еще меньше попыток на запись так называемой подлинной сказки, чем «Русские сказки». И тут еще заметны большое влияние французской сказки, сильно модернизированной, и элементы фантастики. Сочинитель пускается в пространные рассуждения, растолковывая чудеса, словно в научно-фантастическом романе, и в этом нет ничего удивительного, когда подобный жанр только формируется, и, как видно, Лёвшин мечется из стороны в сторону. Так,

например, им делаются попытки рационально обосновать возможное существование подводных людей со ссылками на французский журнал.

«Сказки древлянские» также эротичны, и чародеи действуют в них уже не только талисманами. Напомню, сказки читают совсем не дети, а взрослые. Волшебные предметы, помогающие героям, стали иными, более разнообразными по сравнению с народными сказками. Среди них мы встречаем не только привычное кольцо, но и волшебные карманные часы, а сколько их еще будет впереди. Сюжеты построены преимущественно на бесчисленных приключениях, часто весьма галантных, в духе времени.

Бытовой комический материал здесь присутствует в меньшем количестве, чем в «Русских сказках», и сосредоточен главным образом на одном герое – Простое («Повесть о княжиче Вадиме»). Локальные элементы по-прежнему остаются в примечаниях, заимствованных из энциклопедического словаря, и в попытке поведать древнюю историю России. Книге предшествует «Известие», в котором автор рассказывает о древних племенах, населявших Россию, и местах их обитания.

В «Сказках древлянских» уже отсутствуют примечания мифологического характера. По этому поводу самим Лёвшиным сделано следующее примечание: «За бесполезное почитаю объяснить об упоминаемых здесь Славянских божествах. Читавшим Русские Сказки, также и Славянские Сказки и древности известно, что Лада была богиня любви; Световид – бог дня, или Феб; а Зимцерла – Аврора, или богиня Зари» (ч. I, с. 24).

Лёвшин ссылается здесь на свои «Русские сказки», а также на книги Чулкова («Пересмешник, или Славянские сказки») и Попова («Славянские древности»). В это время, то есть к 1787 году, во многом нафантазированная система российской мифологии была уже установлена, широко извест-

на в читательских кругах, и у автора не стало потребности пояснять новым читателям ее героев.

«Русские сказки» выдержали четыре издания и вскоре надолго ушли в лубок. Хотя сам В. А. Лёвшин задумывал свои «Русские сказки» для читателя среднего образованного слоя: это дворяне среднего достатка, купцы, чиновники. Для них он старательно делает примечания, приводит музыкальные ноты и ссылается на иностранные источники. Но книгу ожидала своя судьба, она стала жить совсем не в той среде, для которой предназначалась, издатель Решетников раздробил ее на отдельные, уже лубочные, выпуски, т. е. для так называемого «низового» читателя – мещан и грамотной части крестьянства, которые еще сохранили в своей среде кондовые взгляды XVIII века. Сборник разбивается на части и выходит отдельными частями: например, популярная «Повесть о новомодном дворянине» выпускается отдельной книжкой во многих издательствах.

В литературе XVIII века широко применялись условные имена и фамилии героев. Так, у М. Чулкова в романе «Пригожая повариха» героиню, хотя она родилась в Полтаве и переехала в Киев, зовут Мартона, ее любовники называются Светон, Ахаль и Свидаль. Или же, как в комедиях, у людей русские имена и при этом фамилии, выражающие качество. Этот прием сохранился надолго и в комической литературе продержался почти до XX века.

Лёвшин в «Русских сказках» пользуется вообще именем для придания герою или «славянскому богу» локальной окраски. Но в «Приключениях Любимира и Гремиславы» действия, очевидно, современные, хотя с необыкновенными анахронизмами, а имена – условные или условно русские. Так, Гремиславы и Любимиры живут рядом с Клорандом, Агнезой и т. д., почти как в нынешних школах.

Эти имена, разумеется условные, выражающие явную отделенность произведения от обыденной жизни, ее в некоторой степени сказочность. Этим приемом, кстати, пользуется и Пушкин.

«Евгений Онегин», по определению самого Александра Пушкина, – роман в стихах. Жанр средний, с несколько пародийным словарем, поэтому, видимо, Пушкин решается ввести в него имя Татьяна, так оговорив его:

Ее сестра звалась Татьяна...

Впервые именем таким

Страницы нежного романа

Мы своевольно освятим.

К «Татьяне» Пушкин сделал следующее примечание: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, напр., Агафон, Филат, Фёкла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами». Эта глава датируется Пушкиным 1823 годом. В 1828 году Пушкин пишет «Полтаву» – поэму историческую, и хотя в романе Пушкин восхищался именами Агафон, Филат, Федора, Фёкла, в «Полтаве» он называет героиню Марией, следующим образом оговаривая это имя в примечании: «У Кочубея было несколько дочерей: одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матрёной».

Заканчивая разговор об именах героев, обратим внимание на фамилии героев пушкинского романа: Онегин, Ленский, гусар Пыхтин, Зарецкий, уездный франтик Иван Петушков, Скотинины, толстый Пустяков и так далее. Далеко ходить не надо, традиция живет и поныне.

С 1780 г. Василий Лёвшин состоял в переписке, а в 1782 г. познакомился лично с земляком А. Т. Болотовым, жившим и служившим тогда в Богородицком уезде Тульской губер-

нии. Предпринятое Болотовым издание журнала «Экономический магазин» (1780–1789) очень привлекало В. А. Лёвшина. Будучи сторонником использования достижений науки, опыта передового земледелия и вообще хозяйствования, Василий Алексеевич стал одним из самых активных его корреспондентов, а позднее, уже после войны с Наполеоном, в 1814–1815 гг., сам предпринял издание похожего журнала – «Экономического и технологического магазина».

В. А. Лёвшин встречался с А. Т. Болотовым чаще всего в Туле. В 1787 г., например, они «имели удовольствие свидеться» и «говорить о многом» на новогоднем маскараде в Благородном собрании. Любопытно, что Болотов, сообщая о свидании со своим другом и корреспондентом Лёвшиным в 1787 году в Туле, довольно пренебрежительно упоминает о его сочинениях, хотя Лёвшин был уже автором «Русских сказок», изданных Новиковым в 1780–1783 годах: «После обеда приезжал ко мне друг мой г. Лёвшин и просидел до вечера, занимаясь приятными разговорами. Оба мы были тогдашнего времени именитейшими литераторами и, помогая друг другу, трудились в пользу отечества. Я занимался экономическими, а он – переводами разных книг, а отчасти также кой-какими и сочинениями».

В Москве В. А. Лёвшин часто бывал у Н. И. Новикова, где он встречал А. Т. Болотова и Н. М. Карамзина. А в конце 80-х годов Болотов едва не породнился с В. А. Лёвшиным: его брат Фёдор Алексеевич некоторое время был женихом дочери А. Т. Болотова Елизаветы. Как мы уже указывали, Василий Лёвшин был человеком бедным и брался за такую работу, от которой отказывался даже многотерпеливый и работоспособный Болотов. Так, в 1788 году, приехав в Москву, Болотов встретился с Лёвшиным у Новикова.

«...Заезжал я опять к Новикову, и у него я сей день и обедал. Тут нашел я и знаконца своего Василия Алексеевича Лёвшина, такого же трудолюбца, как и я; оба мы с ним

были в сие время – черкасские волы и трудились над сочинениями и переводами без отдыха. Г. Новиков отдавал ему тогда переводить огромную немецкую книгу, которая напечатана потом под заглавием “Хозяин и хозяйка” и состояла в 12 томах. И я рад был, что от труда сего избавился, ибо сперва хотел было г. Новиков на меня сей страшный и скучный труд навалить».

К 90-м годам XVIII в. В. А. Лёвшин стал тяготеть к исследованиям экономического и исторического характера. В этих областях он был как активным переводчиком, так и создателем оригинальных произведений. В 1791 г. В. А. Лёвшин избран корреспондентом Вольного экономического общества, спустя два года, в 1793 г., стал его членом, а позднее – непременным секретарем и непременным членом комитета общества. В. А. Лёвшин внес значительный вклад в деятельность общества своими экономическими сочинениями, прежде всего «Топографическим описанием Тульской губернии», которое до настоящего времени является, по определению специалистов, одним из лучших из всех существующих описаний губерний. В. А. Лёвшин также стал пионером геологических разведок на территории Белёвского уезда...

Являясь членом Вольного экономического общества, В. А. Лёвшин был в курсе исследований А. Т. Болотова, агронома И. М. Комова, известного ученого XVIII в. А. А. Нартова. В конце XVIII – начале XIX вв. в данное общество входили известный политический деятель и военачальник М. И. Голенищев-Кутузов, адмирал А. И. Сивягин, поэт Г. Р. Державин. Помимо Вольного экономического общества Лёвшин с 1809 г. был членом Общества испытателей природы при Московском университете, почетным членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (с 1818-го), Московского общества сельского хозяйства (с 1821-го). Заслуги Василия Алексе-

евича в изучении хозяйства и экономики, в распространении в России достижений европейских ученых сделали его имя широко известным в Европе: в 1795 г. он был избран почетным членом Королевского саксонского экономического общества, в 1806 г. – членом Итальянской академии наук.

Отметился Лёвшин и на ниве драматургии. Так, в 1779 г. в Москве отдельным изданием вышла первая переводная пьеса В. А. Лёвшина «Фраскатанка» Ливиньи. Последующий двадцатилетний период его работы как переводчика и создателя драматических произведений подарил русскому театру 11 оригинальных и 19 переводных пьес, которые с успехом шли на столичной и провинциальной сцене. (Тех, кому интересна данная тема, отсылаю к статье И. Немировской «Лёвшин и традиции музыкального театра».) Его перу принадлежит несколько лучших либретто русских комических опер XVIII в., все это связано с тем, что с 1794 года он руководил Калужским публичным театром, который имел пусть и полупрофессиональную, но постоянную труппу и осуществлял постановки в том числе и в Туле, где наместником было выстроено специальное здание под театр. В. А. Лёвшин оказался последним знаменитым автором, их создававшим, и лучшим русским переводчиком XVIII в. знаменитых пьес венецианского драматурга и либреттиста Карла Гольдони.

Стоит остановиться и поведать о недописанной утопической повести Василия Лёвшина с фантастическим сюжетом «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белёве», где человек земли по имени Нарсим на построенной им самим летающей машине с орлиными крыльями улетает на Луну. Там он встречает счастливых лунатистов, не знающих ни религии, ни государства, живущих по заветам Жан-Жака Руссо. Видимо, заезженный фантастический сюжет служит только поводом для философских раздумий ав-

тора. Старец Фролагий рассказывает Нарсиму: «“У нас не приобретающий руками своими пищи считается ненужною тягостию для земли...” Нарсим краснелся от стыда, слышав слова сии. Вот как разумеют здесь, помышляя он, плод трудов моих! Боже мой! Сколько людей посадили на хлеб и на воду, если бы хотя одну только Академию нашу отдали сюда на свидетельство!»

Вероятно, произведение не очень понравилось тогдашней цензуре, потому что в дальнейшем продолжении оно уже становится странствием во сне, а затем вводится другой путешественник, лунатист Квалбоко, который одновременно с Нарсимом знакомится с нашей планетой. На Земле он попадает в Турцию, где едва не лишается жизни, и бежит в могущественную Россию, которую хвалит долго и льстиво.

Лёвшин призывал в своей повести вернуться к земле и заниматься простым трудом. Так уже в XIX веке возвратился в родное поместье Лев Толстой, уроженец Крапивенского уезда Тульской области, и так и в своих сказках он заставлял работать чёрта, и мера наказания, примененная к не земледельцу, та же самая – питание хлебом с водой.

Вообще у Лёвшина, по мнению В. Шкловского, имеется много совпадений с Толстым: и среди прочего – своеобразный дворянский агностицизм, отрицание необходимости познания. Лев Николаевич провел начало жизни в остановленном времени. Он не слушал старые русские сказки, ходившие среди простого народа, а внимал слепцу, рассказывавшему «Тысячу и одну ночь» в переводе XVIII века, и истины, которые были для Толстого так несомненны, пришли из того же века, по мнению Шкловского. Отсюда, вопреки прогрессу, призывы графа Толстого жить своим трудом на земле, упростить быт...

Вот что писал Лёвшин в «Письме... о поэме Вольтера»: «Рассуждать о ненужных вещах, которыми ни склонности наши не делаются совершеннее, ни нравы поправляя-

ются, ни обществу услуги оказываются, есть уклонение от истинного пути или вредное замедление в нужной дороге: ибо вместо сего могли бы мы предпринять что-нибудь полезное».

Продолжая говорить о новаторстве на ниве отечественной литературы, нельзя обойти стороной и интерес Лёвшина, Чулкова и Попова к исторической тематике, к историческим и легендарным источникам по русской истории. Современные исследователи в то же время подчеркивают условную, сказочную сторону созданного типа повествования. Речь идет об определенной повествовательной модели, которая обладает рядом устойчивых черт сюжетики и поэтики. Авторы монографий и диссертаций, посвященных прозе XVIII в. и истории русского романа, такие как Серман И. З. (Зарождение романа в русской литературе XVIII века // История русского романа. М.; Л., 1962), Степанов В. П. (Чулков и русская проза 1750–1770-х годов: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1972), Троицкий В. Ю. (Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982), относят начало исторической прозы именно к сочинениям данных авторов, отмечая при этом, что «историческая действительность» была осмыслена ими при помощи «жанра авантюрного романа». Особая роль в становлении исторической беллетристики отводится сборнику Лёвшина, который «осуществил введение в печатную литературу русского эпоса в качестве исторического и художественного материала».

Творческая работа приносила Лёвшину радость познания и минуты вдохновения, но не могла служить постоянным источником дохода. Так, в 1798 г., как раз после написания

и издания его комических опер и замечательного перевода «Слуги двух господ» Гольдони, долг титулярного советника В. А. Лёвшина составил 1800 рублей с залогом имения – села Темрянь и села Троицкого Одоевского уезда. Эти трудные обстоятельства заставили В. А. Лёвшина в 1799 г. обратиться к влиятельному родственнику, князю П. В. Лопухину, с просительным письмом. «Мне почти 60 лет, в семействе моем сам двенадцатый, имение малое, которое по малоземелью не токмо не приносит столько дохода, чтоб мог я прилично дворянину себя содержать, но не доставляет оно на проценты», – писал В. А. Лёвшин. В письме содержалась просьба помочь ему «в старости, имеющему десять детей, в том числе пять дочерей, ожидающему и с ними остаться без пропитания». Прошение имело княжескую резолюцию: «Пусть терпит».

Литератор продолжал «терпеть» и нашел в себе силы после этого в 1803 г. составить для Вольного экономического общества «Топографическое описание Тульской губернии», перевел несколько пьес немецкого драматурга Августа фон Коцебу. Так сложилось, что в начале XIX в., занимаясь больше экономическими, историческими сочинениями и переводами, а также хозяйственными экспериментами, В. А. Лёвшин отходит от активной литературной деятельности, впрочем, как и Н. И. Новиков. Где-то позади остались увлечение вольтерьянством, сочинение социальных утопий, комических опер. Все это, по правде говоря, задержалось где-то в XVIII в., устаревшем в последние десятилетия разразившейся кровавой французской революцией, якобинским террором, грянувшими наполеоновскими войнами и борьбой за независимость от Англии североамериканских штатов.

Однако, чтобы хоть как-то поправить материальное положение семьи, В. А. Лёвшин в 1803 г. в возрасте 57 лет (глубокий старик по понятиям того времени) вынужден

был вновь отправиться служить, но теперь – по гражданскому ведомству: назначен чиновником особых поручений к статс-секретарю А. А. Витовту. Действительно, как говорится, в России надо жить долго. Вскоре на творческую деятельность белёвского дворянина обратил внимание император Александр I, взявшийся в первые годы царствования опекать «науки и художества». Лёвшин в книге «Управитель, или Практическое наставление во всех частях сельского хозяйства», изданной в Москве в 1809 г., напечатал благодарственное обращение к императору за то, что имел «в преклонности дней питание, спокойствие, почесть, признание». На следующий год он посвятил свою книгу «Полное наставление, на гидростатичных правилах основанное, о строении мельниц» графу Н. П. Румянцеву, дружеской поддержкой кружка которого он также пользовался.

В отставку В. А. Лёвшин вышел только в 1818 г., 72-летним статским советником, был награжден орденом Анны 2-й степени и орденом Владимира 4-й степени и получил от государя 5 бриллиантовых перстней. До конца своих дней, даже несмотря на потерю зрения, он продолжал заниматься литературным трудом – переводил, теперь уже с помощью детей.

Конец жизни Лёвшина описан в некрологе в «Северной пчеле» 1826 года (№ 105), опубликованном тульским историком И. Ф. Афремовым: «1818 года февраля 20-го, при отставке, награжден чином Статского Советника с пансионом по 2000 рублей по смерть, после него жене по смерть же и двум дочерям до выхода в замужество.

Склонность его к словесным наукам и в особенности к опытам по экономической части сопровождала его во все течение жизни, и в самых преклонных летах, когда уже зрение его померкло, продолжал он заниматься переводами с помощью детей своих, из коих один читал, а другой писал им переводимое...

1812 года избран ученым корреспондентом Филотехнического общества. 1818 года С.-Петербургское вольно-экономическое общество любителей словесных наук и художеств почтило его званием почетного члена; и наконец Московское общество сельского хозяйства в 1821 году признало его своим почетным членом».

Обращалось внимание на чрезвычайную доброту и бескорыстие В. А. Лёвшина, так как лучшие его издания были им безвозмездно напечатаны и проданы по самой низкой цене. Лёвшин до последних дней жизни сохранял любознательный и веселый характер. На смерть белёвского писателя также отозвался и журнал «Московский телеграф»: в некрологе упомянуто, что Василий Алексеевич был одним из самых трудолюбивых русских литераторов...

Умер Василий Лёвшин тихо, спокойно в Белёве 29 июля 1826 года, оставив после себя много неизданных книг, как мы знаем из одной статьи, присланной в «Москвитянин» из Тулы, в которой после ряда сведений о Болотове сообщается и о Лёвшине: «В. А. Лёвшин был одним из деятельнейших писателей русских... В. А., посвятив всю свою жизнь литературе и сельскому хозяйству, печатал множество сочинений и переводов. Болотов, Новиков и Лёвшин всеми зависящими от них средствами старались подвинуть вперед некоторые отрасли просвещения, хотя направления умственных их занятий совершенно параллельны были одно другому. Взгляните на «Роспись российским книгам» Смирдина, и вы невольно удивитесь разнообразным трудам В. Л. – одних названий до пятидесяти, а книг, им изданных, восходит до полутораста... Такая плодовитость изумляет и даже ужасает... Пересматривая его издания, замечаешь не поверхностное изучение всех отраслей наук, а обширные познания, которыми обладают немногие из новейших писателей. Пушкин

не мог умолчать о В. А. в своем “Евгении Онегине”, и его два стиха скорее напомнят о Лёвшине отдаленному потомству, нежели все полтора тома томов, написанных В. А. Кто, спрашиваю вас, не знает наизусть этих стихов Пушкина:

*Вы, школы Лёвшина птенцы,
Вы, деревенские Приамы...»*

Лёвшин похоронен в селе Темрянь, могила писателя и просветителя была утрачена из-за непонятных стараний местных жителей, не пожелавших сохранить место упокоения знаменитого земляка, уже в наши дни, в 70-е годы XX столетия. В настоящее время подле церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что в конце XVII столетия на века выстроил воевода Афанасий Лёвшин, а ныне поруганной и обезглавленной, без куполов и с разрушенной колокольней, без дверей, местами разобранной на кирпич, покоится скромная плита, установленная администрацией Белёвского района, на которой ныне можно с превеликим трудом разобрать напоминание потомкам о том, что здесь похоронен русский писатель и просветитель Василий Алексеевич Лёвшин.

Свежие могилы и ограды среди бурьяна и кустов, рытвин и ям, куч мусора жмутся к едва живому остову храма и к памяtnому знаку, навсегда упрятав от благодарных потомков место упокоения не только известного просветителя, но и, видимо, его родных и близких.

Оглядываемся. Вокруг все печально, несмотря на погожий день. Ближе к Оке находился каменный дом усадьбы Лёвшиных, который, естественно, не сохранился. В последние годы настойчивые исследователи обнаружили остатки его фундамента и когда-то шумевшего поблизости сада, они мечтают о восстановлении усадьбы, о создании музея...

Каждому свое: кто-то рушит, кто-то воссоздает из земного праха. А пока недалеко, среди давно никому не нужных и заросших бурьяном брошенных полей и поймы реки, в вымершей Темряни дачники под музыку жарят шашлыки и копают огороды...

Семья Лёвшина была многочисленной. Он имел 16 детей, семь из которых умерли в младенчестве. Старшие сыновья: Владимир (1777 – ?) и Алексей (1785 – ?) – окончили Сухопутный шляхетский корпус. Владимир в 1836 г. стал полковником. Александр (1787 – ?) тоже был офицером, с 1836 г. – капитаном второго ранга. Степан (1786 – ?) служил в контрольных экспедициях, Лев (1797 – ?) окончил морской кадетский корпус и служил на Балтике. Село Темрянь перешло к его внучке, Екатерине Степановне Лёвшиной, вышедшей замуж за Вл. Соловцова. Сын Е. С. Соловцовой, Александр Владимирович Соловцов (1847–1923), был последним владельцем Темрянского родового гнезда рода Лёвшиных.

По утверждению тульского историка Г. П. Присенко, в книге «Просветитель В. А. Лёвшин», на которую мы во многом опирались в ходе работы над настоящим разделом книги, взгляды Лёвшина никогда не были реакционными, он не укреплял охранительно-аристократических позиций дворянства. В. А. Лёвшин до конца жизни оставался верен идеалам просвещения, сосредоточив всю свою энергию на вопросах организации и ведения хозяйства. Более того, он остался предан увлечениям молодости, связанным с деятельностью новиковского кружка: так, в 1809 г. анонимно издал перевод злого памфлета Альбрехта о князе Г. А. Потёмкине, который был «гонителем и притеснителем» их кружка. Жизненный путь В. А. Лёвшина созвучен словам немецкого поэта-философа Кристофа Виланда, которого он

так любил: «Кто любит муз и любим ими, тот в самом уединении не будет празден и всегда найдет для себя приятное дело. Он несет в себе источник удовольствия, творческую силу свою, которая делает его счастливым». Добавлю, что белёвский просветитель открыто выступал против вольтеррианства и атеизма, но с позиций просвещения.

Василий Лёвшин не создал своей школы, его основной труд, «Русские сказки», еще при жизни был записан на первых порах на имя Н. Новикова (Кайсаров А., «Славянская мифология»), а затем все историки литературы и библиографы считали автором М. Чулкова (в «Словаре русских писателей» митрополита Евгения (Е. А. Болховитинова). «Русские сказки» и «Сказки древлянские» приписаны сразу и Лёвшину, и Чулкову). Так, Н. М. Языков в письме к брату от 6 января 1823 года писал: «...пришли ко мне Историю Карамзина и, если можно, собрание Русских сказок Чулкова: это важная вещь для меня...»

Между тем их известность росла среди простых людей. Сказки перепечатывали различные типографии, специально занимавшиеся изданиями лубков, их выпускали отдельными листами, и в редкой крестьянской избе не было лубка с эпизодами из лёвшинской сказки...

Жизнь и творчество В. А. Лёвшина имеют свою историографию. Впервые о нем написал в своих «Записках» А. Т. Болотов. В 1843 г. тульский историк Н. Ф. Андреев упомянул о краеведческой деятельности Лёвшина в статье «Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям», опубликованной в журнале «Москвитянин». Имя В. А. Лёвшина вошло в «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, в 17-й том, изданный в 1896 г., в «Русский биографический словарь», в 10-й том, вышедший в 1914 г., в «Краткую литературную энциклопедию», в 4-й том, вышедший

в 1967 г., и даже в «Сельскохозяйственную энциклопедию». Но, несмотря на то что еще в 1818 г. его избирают почетным членом Петербургского общества любителей словесных наук и художеств, Лёвшин как писатель оказался практически забыт читателями на долгие годы, и причина – в анонимности издания самых знаменитых его книг: и «Русские сказки», и «Вечерние часы» вплоть до 30-х годов XX столетия настойчиво приписывались М. Чулкову, на что мы неоднократно указывали. И это, несмотря на то что еще в 1812 г. был опубликован перечень сочинений Лёвшина, где упоминались «Вечерние часы» и «Русские сказки», а в 1818 г. имя автора этих «сказок» прямо называет К. Ф. Калайдович, тем не менее историки литературы почему-то поверили А. Ф. Смирдину, который безоговорочно «расписывает» их в ряду сочинений М. Чулкова.

В 1880 г. только в «Дополнениях» ко II тому «Справочного словаря о русских писателях и ученых...» Г. Н. Геннади говорит об авторстве Лёвшина, ведь его ранее поправлял библиограф Н. П. Собко, указывая подлинного автора. Казалось бы, правда восторжествовала, навеки имя Лёвшина извлекли из небытия, но нет... В 1894 г. с аргументацией в пользу авторства М. Чулкова неожиданно выступит Н. С. Тихонравов, и его точка зрения становится доминирующей вплоть до 1933 г. Только появление книги В. Б. Шкловского «Чулков и Лёвшин», на которую я уже неоднократно ссылался выше, вносит ясность и окончательно снимает вопрос об авторстве Чулкова.

Виктор Шкловский впервые в советской историографии охарактеризовал творческую деятельность В. Лёвшина и поместил список его работ. В 1945 г. Д. Д. Благой вводит Лёвшина в курс «Истории русской литературы XVIII века». Затем постепенно начинаются публикации его произведений: сначала – отдельных басен, затем – отрывка из «Новейшего путешествия», наконец, «богатырских» и «народных» ска-

зок. «Утренники влюбленного», а также большинство басен никогда не переиздавались. Имеется ряд статей о В. А. Лёвшине, опубликованных в центральной и тульской периодической печати современными краеведами А. А. Петуховым, З. П. Тишиным, А. Кондрашовым. Особо следует упомянуть работу Н. А. Малеванова «Энциклопедист из Белёва». Это обширная статья, опубликованная в газете «Неделя» 12–18 марта 1967 г., об увлечениях Лёвшина. В 1-м номере «Русской словесности» за 1997 г. выходит интересная статья А. С. Курилова «В. А. Лёвшин», также в периодике имеются статьи о его театральной деятельности и посвященные элементам фантастики в «Новейшем путешествии».